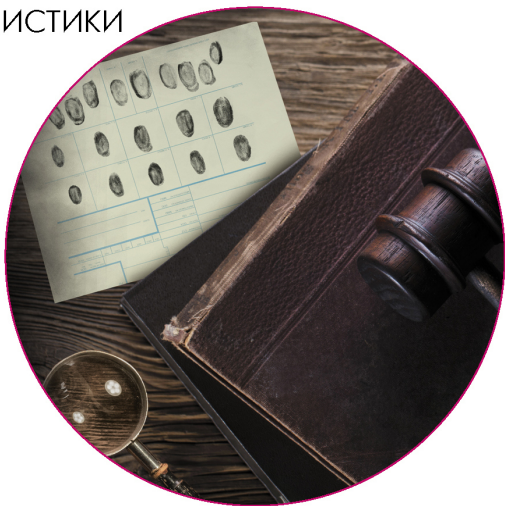

ШЕДЕВРЫ В ОДНОМ TOME

ВЕК

КРИМИНАЛИСТИКИ

ЮРГЕН ТОРВАЛЬД

Юрген Торвальд

Век криминалистики

Серия «Шедевры в одном томе»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50194880

Век криминалистики: АСТ;

ISBN 978-5-17-137506-5

Аннотация

Эта книга, основанная на подлинных фактах и примерах самых громких и загадочных уголовных дел прошлого, описывает историю возникновения и развития криминалистики. Ее героями стали полицейские и врачи, химики и частные детективы, психиатры и даже писатели – все, кто внес свой вклад в научные методы поиска преступников.

Почему дактилоскопию, без которой в наши дни невозможно ни одно полицейское расследование, так долго считали лженаукой?

Кто изобрел систему полицейской фотографии?

Кто из писателей-классиков сыграл важную роль в борьбе с преступностью?

Какой путь проделала судебная медицина за 100 лет?

Это лишь немногие из вопросов, на которые отвечает увлекательный «Век криминалистики» Юргена Торвальда!

В издание также включены ранее не издававшиеся на русском языке главы, посвященные серологии и судебной химии и биологии!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	13
3	19
4	29
5	37
6	44
7	59
8	68
9	77
10	94
11	112
12	128
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Юрген Торвальд

Век криминалистики

Jurgen Thorwald

DAS JAHRHUNDERT DER DETEKTIVE

© Droemer Knaur Verlag. Schoeller & Co., Zürich 1965,
1966, 1973

© Перевод. И. Власов, 2019

© Перевод. А. Кукес, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

Неизгладимая печать, или Причуды идентификации

1

Когда в 1879 г. Альфонс Бертильон, письмоводитель Первого отделения полицейской префектуры Парижа, вывел криминалистику из тупика, в который она тогда зашла, ему было 26 лет, а французской уголовной полиции – 70. В то время Сюртэ («Безопасность»), как называли французскую уголовную полицию, пользовалась всеобщей славой и считалась колыбелью уголовной полиции вообще, а ее семидесятилетняя история исчислялась со времен Наполеона.

Существовавшие до Наполеона полицейские службы во Франции занимались не столько раскрытием уголовных преступлений, сколько выслеживанием и арестами политических противников французских королей. Но и позже, во второй половине наполеоновской эры, у Анри, шефа созданного для борьбы с уголовными преступлениями Первого отделения парижской полицейской префектуры, было в подчинении всего 28 мировых судей и несколько инспекторов. Парижские улицы стали в то время подлинным раем для много-

численных грабителей и воров. Только в 1810 г., когда из-за Наполеоновских войн ослабли все социальные связи и волна преступлений грозила затопить весь Париж, пробил час рождения Сюртэ и наступил поворотный момент в судьбе одного человека – основателя Сюртэ Эжена Франсуа Видока, человека, чью деятельность невозможно оценить однозначно и тень которого, казалось, даже через двадцать лет после его смерти еще витала над Сюртэ.

До 35 лет жизнь Видока представляла собой цепь сумбурных приключений. Сын пекаря из Арраса, Видок побывал актером и солдатом, матросом и кукольником, наконец стал арестантом (за то, что избил офицера, соблазнившего одну из его подружек), совершившим несколько дерзких побегов. Ему удавалось бежать из тюрьмы то в украденной форме жандарма, то прыгнув с головокружительной высоты тюремной башни в протекающую под ней реку. Но всякий раз его ловили, и в конце концов Видок был приговорен к каторжным работам и закован в цепи. В тюрьмах Видок годами жил бок о бок с опаснейшими преступниками тех дней. Среди прочих – с членами знаменитого французского клана Корню. Члены этого клана убийц, приучая своих детей к будущим преступлениям, давали им для игр головы мертвецов.

В 1799 г. Видок в третий раз бежал из тюрьмы, на этот раз удачно. Десять лет он прожил в Париже, торгуя одеждой. Но все эти годы бывшие сокамерники угрожали Видоку, что выдадут его властям. Возненавидев шантажистов, он

сделал самый решительный шаг в своей жизни: отправился в префектуру полиции Парижа и предложил использовать для борьбы с преступностью приобретенный им за долгие годы заключения богатый опыт и знание уголовного мира. Взамен он просил избавить его от угрозы ареста за прежние дела.

Семь десятилетий спустя некоторые представители Сюртэ уже испытывали известную неловкость, когда речь заходила о Видоке и о рождении Сюртэ. Уж слишком не вязалась биография последнего до 1810 г. со сложившимися за 70 лет представлениями о происхождении и жизненном пути не просто полицейского, а шефа уголовной полиции. К этому времени всеми была забыта тяжелейшая ситуация, заставившая тогда Анри – шефа Первого отделения, и барона Паскье, исполнявшего обязанности префекта полиции Парижа, принять беспрецедентное решение: поручить Видоку возглавить борьбу с преступностью в Париже.

Для того чтобы скрыть от деклассированных элементов истинную роль Видока, его сначала подвергли аресту, а затем, устроив очередной успешный побег из заключения, выпустили на свободу.

Вблизи префектуры полиции, в мрачном здании на маленькой улочке Святой Анны, и обосновался Видок. В выборе сотрудников он руководствовался принципом: «Побороть преступление сможет только преступник». Вначале у Видока работало всего 4, потом 12 и затем уже 20 бывших заключенных; он выплачивал им жалованье из секретного фонда

и держал в строжайшей дисциплине.

За один только год Видок с двенадцатью сотрудниками сумел арестовать 812 убийц, воров, взломщиков, грабителей и мошенников, ликвидировал притоны, в которые до него не рискнул сунуться ни один мировой судья или инспектор.

На протяжении 20 лет организация Видока (которая вскоре стала называться «Сюртэ») разрасталась и крепла, став тем ядром, из которого развилась впоследствии вся французская криминальная полиция.

Тысячеликие перевоплощения, тайные проникновения в притоны, инсценированные аресты, «подсадка» сотрудников Сюртэ в тюремные камеры, организация затем их «побегов», даже инсценировки смерти сотрудников после выполнения ими заданий – все это обеспечивало Видоку непрерывный поток необходимой информации.

Доскональное знание преступного мира, его членов, их привычек и методов преступлений, терпение, интуиция, умение вжиться в образ наблюдаемого, потребность быть в курсе каждого дела, дабы никогда не потерять «чутья на преступника», цепкая зрительная память и, наконец, архив, в котором были собраны сведения о внешности и методах «работы» всех известных ему преступников, составляли прочную основу успешной деятельности Видока. Даже когда для Видока стало невозможным скрывать далее свою роль шефа Сюртэ, он все равно продолжал систематически появляться в тюрьмах, хотя бы для того, чтобы запоминать лица уголов-

ников.

Лишь в 1833 г. Видоку пришлось выйти в отставку, так как новый префект полиции Анри Жиске не захотел мириться с тем фактом, что весь штат уголовной полиции Парижа состоит из бывших заключенных. Деятельный Видок тут же открыл частную детективную контору (пожалуй, первую в мире), стал преуспевающим дельцом и писателем, не раз подсказывал сюжеты для романов великому Бальзаку, так что остаток своих дней он прожил весьма интересно. Скончался Видок в 1857 г.

Преемниками Видока на посту шефа Сюртэ стали представители буржуазии: Аллар, Канле, Клод, а в 1879 г. – Гюстав Масэ.

Сюртэ пережила четыре политических переворота во Франции: от Наполеона – к Бурбонам, от Бурбонов – к июльской монархии Луи Филиппа Орлеанского, от июльской монархии – к империи Наполеона III, от Наполеона III – к Третьей республике.

Из мрачной штаб-квартиры Видока на улице Святой Анны Сюртэ переехала сначала в не менее мрачное помещение на Кэ-д'Орлож и наконец разместилась в здании префектуры на Кэ-д'Орфевр. Теперь здесь работало несколько сотен инспекторов, а не двадцать сотрудников, как во времена Видока. Подчиненные Видока с уголовным прошлым уступили место более или менее почтенным обывателям. Но ни Аллар и Канле, ни Клод и Масэ, по сути дела, никогда не отказы-

вались от методов работы, которые ввел в практику Видок; более того, число бывших преступников, которых они привлекали в качестве оплачиваемых сотрудников и филеров, постоянно росло.

Высланных из Парижа, но все же незаконно возвратившихся в него уголовников при повторном аресте ставили перед выбором: либо работать на Сюртэ, либо снова угодить за тюремную решетку. Сюртэ по-прежнему не пренебрегала и внедрением своих агентов (их называли «баранами») в тюремные камеры, чтобы те входили в доверие к своим соседям и хитростью добывали у них нужную информацию. Сами инспекторы регулярно посещали тюрьмы и приказывали водить вокруг себя в тюремном дворе заключенных для того, чтобы, как некогда Видок, тренировать «фотографическую память» на лица, запечатлевая их в своей памяти. Такой «парад» оставался самым распространенным методом опознания ранее судимых преступников, а иногда помогал найти среди заключенных тех, кто разыскивался за совершение других преступлений.

Архив Видока превратился в гигантское бюрократическое сооружение. Горы бумаг в беспорядке валялись в мрачных и пыльных, освещенных газовыми рожками помещениях префектуры. Здесь на каждого изобличенного преступника была заведена карточка. В нее заносились: фамилия, вид совершенного преступления, судимости, описание внешности; в сумме таких карточек было собрано около пяти мил-

лионов. И количество их все возрастало, поскольку к тому времени проверке стали подвергаться все гостиницы и заезжие дворы и даже учитывались все приезжающие иностранцы. К тому же, с тех пор как в 40-х гг. в одной из брюссельских тюрем стали фотографировать преступников, число их портретов, накопленное парижской префектурой, составило 80 тыс. штук. Однако как бы ни восторгались иностранцы быстрым разоблачением в Париже преступников, бежавших туда из своей страны, и какие бы ни рождались легенды о парижской полиции, Сюртэ в 1879 г. была уже поражена глубоким кризисом.

Так и остаются великой тайной Истории те правила и мерки, по которым она выбирает своих пионеров и героев. Более чем странный, казалось бы, выбор был сделан ею, когда именно в Альфонсе Бертильоне она угадала способность вывести из скрытого кризиса криминалистику и открыть в ней новую эру.

Альфонс Бертильон был худым молодым человеком, на бледном лице которого застыло печально-холодное выражение. У него были медлительные движения и невыразительный голос. Он страдал диспепсией, носовыми кровотечениями и страшными приступами мигрени, вследствие чего он был настолько малообщителен и замкнут, что производил прямо-таки отталкивающее впечатление. К его замкнутости присовокуплялись недоверчивость, сарказм, холерическая злобность, нудный педантизм и абсолютное отсутствие чувства прекрасного. Он был настолько лишен музыкального слуха, что во время военной службы ему приходилось отсчитывать отдельные звуки, издаваемые трубачом, чтобы отличить сигнал «подъем» от сигнала «сбор».

Один из его немногочисленных друзей подтвердил впоследствии, что у него «неописуемо дурной характер». А когда весной 1879 г. одному из посетителей префектуры сказали, что этот Бертильон – сын уважаемого врача, статистика и

вице-президента Парижского антропологического общества доктора Луи Адольфа Бертильона и внук естествоиспытателя и математика Ахилла Гийара, тот не поверил и разразился неудержимым хохотом.

Действительно, трудно было себе представить, что сына и внука таких видных людей трижды исключали из лучших школ Франции за неуспеваемость и из ряда вон выходящее поведение. А из банка, куда его приняли учеником, он был уволен уже через несколько недель. И в Англии, будучи домашним учителем, он тоже никому не пришелся по нраву. Наконец, только благодаря связям его отца молодого Бертильона приняли помощником письмоводителя в префектуру полиции.

Рабочее место Бертильона находилось в углу одного из больших залов, загроможденных картотеками на всех французских уголовников. Летом в этом углу было нестерпимо жарко, а зимой так холодно, что приходилось писать в перчатках, а ноги буквально коченели. Здесь, поодаль от других, сидел Бертильон и заносил в карточки данные, полученные полицейскими служащими при арестах и допросах подозреваемых.

Холодной весной 1879 г. он тоже был занят переписыванием примет личности преступника. Его закованные пальцы заносили в карточку вышедшие из-под пера инспекторов, работавших по старинке, шаблонные описания типа: рост – «высокий», «низкий», «средний»; лицо – «обыч-

ное», «без особых примет». В общем, это были определения, подходящие для характеристики тысяч людей. На карточках имелись приклеенные фотографии, сделанные фотографами, считавшими себя «художниками». Соответственно и были сделаны снимки – скорее «художественные», чем четкие, а зачастую даже искаженные, ибо арестованные противились фотографированию.

Все, что проходило через руки Бертильона, наглядно свидетельствовало о том глубоком кризисе, в котором оказалась Сюртэ. Со времен большого триумфа Видока и созданных им методов преобразился мир, изменилось общество, а вместе с ними – облик и сущность преступности. Но эти изменения еще вряд ли осознавались общественностью. До 1879 г. лишь немногие ученые делали более или менее серьезные попытки выявить социальные, биологические, психологические корни преступности и ее динамику. Среди них можно назвать бельгийского астронома и статистика Адольфа Кетле, посвятившего несколько десятилетий своей жизни попыткам использовать статистические методы при изучении преступности и вычислить, насколько велика доля преступников в человеческом обществе.

В свою очередь итальянский психиатр Чезаре Ломброзо предпринял обширное исследование физиологии и психологии преступников. Для этого в тюрьмах и психиатрических больницах города Павии он обмерил черепа большого числа преступников и в результате пришел к выводу, что у каждо-

го преступника есть определенные аномалии в строении черепа, которые уподобляют его в большей степени, чем других людей, животному. Преступник, по словам Ломброзо, — это атавистическое явление, так сказать, шаг назад в развитии человечества. Следовательно, преступником рождаются. Вышедшая тремя годами раньше, то есть в 1876 г., книга Ломброзо «Преступный человек» получила известность и за пределами Италии и привлекла внимание по крайней мере некоторых ученых к феномену преступника. В остальном же преступность принималась просто как явление, с которым нужно бороться посредством применения наказаний, и продолжала оставаться совершенно неисследованной областью.

Но нельзя упускать из виду то немаловажное обстоятельство, что в 1879 г. эта проблема выглядела совершенно иначе, нежели в начале века. Во всяком случае, стало очевидным, что с ростом населения и дальнейшим развитием промышленного производства постоянно росло и количество преступников. Феноменальная память Видока на лица преступников была единственной в своем роде, но теперь не хватило бы даже сотни видоков, чтобы запомнить лица бесчисленного количества преступников всевозможных категорий, всплывших на поверхность огромной трясины больших и малых преступлений в 80-х гг. XIX столетия.

С ростом общего культурного и образовательного уровня населения вырос и интеллектуальный уровень преступников. В тюрьмах многочисленные «бараны» были не в со-

стоянии выведать нужную им информацию у сокамерников, менявших для сокрытия прежней судимости свои имена и внешность. Все реже удавались старые провокационные трюки инспекторов, притворявшихся добрыми знакомыми заключенных. Ничего не давали и установленные за опознание преступника премии. Наоборот, они приводили к тому, что инспекторы все чаще заключали сделки с жадными до денег заключенными и с их согласия клятвенно заверяли, что данный заключенный и есть разыскиваемый преступник. Премию инспектор делил затем со своим сообщником. Результатом этих сделок было обилие судебных ошибок, чреватых тяжкими последствиями, атмосфера неуверенности, некомпетентности и обмана.

То, что Видоку служило лишь подспорьем к памяти – его картотека, – превратилось волей-неволей в основное средство идентификации преступников. Но картотека теперь настолько разрослась, что стала необозримой и потому почти непригодной. Систематизация ее по именам была бессмысленной, поскольку воры, взломщики, фальшивомонетчики, мошенники и убийцы все время меняли свои имена. Систематизация по возрасту и категориям преступников и способу совершения ими преступления больше не годилась, ибо не позволяла разбить картотеку на сравнительно небольшие подразделы, которые было бы легче просматривать. Польза от фотографий тоже стала весьма сомнительной: практически было немыслимо среди 80 тыс. снимков отыскать фото-

графию ранее судимого для сличения с фотографией вновь арестованного. Регистрация описаний внешности была столь же бесполезной, как и алфавитный указатель фамилий преступников. В особо важных случаях инспекторы и писари днями рылись в фототеке только для того, чтобы найти фотографию какого-нибудь одного преступника, имевшего судимость. Таков был раздираемый внутренними противоречиями мир, в котором сложились первые и самые глубокие впечатления Альфонса Бертильона о работе полиции и Сюртэ.

Бертильон начал работать помощником письмоводителя с 15 марта 1879 г., а через четыре месяца выяснилось, что история сделала удачный выбор, направив именно его в пыльный угол полицейской префектуры Парижа.

У Бертильона был действительно тяжелый характер, и потерпел он в жизни немало крушений, но важнее другое (и именно это сыграло теперь решающую роль) – он вырос в семье, члены которой были в числе тех, благодаря кому XIX век стал веком расцвета естествознания. Атмосфера родительского дома была наполнена тем духом неукротимой любознательности и стремлением познать закономерности природы, которые уже за несколько десятилетий до рождения Альфонса разрушили все традиционные барьеры верований и мировоззрений. Еще с раннего детства Бертильону было знакомо имя Чарлза Дарвина, совершившего своей книгой «О происхождении видов» переворот в науке, ибо он поколебал библейскую легенду о сотворении мира и доказал, что все живое – результат длительного процесса биологического развития. Бертильон слышал и о Луи Пастере, чье открытие бактерий революционизировало медицину; о Дальтоне, Гей-Люссаке, Берцелиусе – людях, сделавших поразительные открытия в химии. Он был наслышан об атомах, о физиологах и биологах, раскрывших тайны жизненных про-

цессов у человека и животных.

Мальчик, присев у ног деда, наблюдал, как тот изучает растения, подразделяя их на виды и семейства и систематизируя в алфавитном порядке. Он видел, как дедушка и отец, словно священнодействуя, измеряли человеческие черепа различных рас, пытаясь обнаружить и объяснить, есть ли связь между формой головы и умственным развитием человека.

Не сосчитать, сколько раз слышал он имя Кетле – человека, занимавшегося не только криминалистикой, но и пытавшегося доказать, что развитие человеческого организма подчинено вполне определенным законам. Еще ребенком он с отцом и дедом простаивал перед «кривыми Кетле», показывающими, как в зависимости от размеров человеческого тела можно распределить в определенном порядке всех людей. Конечно, существует множество великанов, схожих между собой, как близнецы; есть люди очень высокие и очень низкие, есть просто высокие и просто низкие, но большинство – это люди среднего роста.

Бертильон годами соперничал отцу и деду в их попытках проверить утверждения Кетле о том, что на свете нет двух человек с совершенно одинаковым строением тела и что шанс обнаружить двух одинаковых по росту людей равен 1:4. Бертильон был не способен восторгаться латынью или другими дисциплинами, преподаваемыми во французских школах, но впечатления детства, возникшие в те мо-

менты, когда он наблюдал за работой отца и других антропологов, никогда не изгладились из его памяти.

В июле 1879 г., когда над Парижем повис зной, а Бертильон с повседневной, отупляющей методичностью заполнял и копировал то ли трех-, то ли четырехтысячную карточку, его осенила идея. Она возникла – как он впоследствии признавался – из щемящего чувства досады от бессмысленности своей работы и вместе с тем из нахлынувших на него воспоминаний детства. Зачем, спрашивал он себя, тратят время, деньги и силы на все менее перспективные попытки опознавать таким путем преступников? Почему надо цепляться за старые, до крайности несовершенные методы, в то время когда естествознание уже обнаружило «каинову печать», которая позволяет безошибочно отличить одного человека от другого, а именно размеры его тела.

Бертильон не знал, что еще 19 лет тому назад, в 1860 г., в Бельгии начальник лувенской тюрьмы Стевенс, ссылаясь на учение Кетле, предлагал, правда безуспешно, измерять окружность головы, длину ушей и ступней, рост и ширину грудной клетки у всех взрослых преступников, не имеющих особых отклонений от нормы. Стевенс убеждал, что полученные при этом показатели нельзя будет скрыть никаким переодеванием, гримом или сменой фамилии.

Удивление и насмешки других писателей вызвал Бертильон, когда в конце июля он приступил к сравнению фотографий заключенных. Начал он с сопоставления формы

ушей и носа. Еще более громким смехом была встречена просьба Бертильона разрешить ему обмерять заключенных, подлежащих регистрации. Ко всеобщей потехе, такое разрешение он в конце концов получил. Страшно ожесточившись, он за несколько недель обмерил довольно большое количество заключенных: их рост, окружность и длину головы, длину рук, пальцев, ступней. При этом он убедился, что размеры отдельных частей тела у различных людей могут совпадать, но никогда не совпадут размеры четырех или пяти частей тела одновременно.

Зной и духота августа вызывали у Бертильона тяжкие приступы мигрени и носовые кровотечения. Но этим молодым человеком, прежде, казалось бы, столь никчемным, нецелеустремленным, вдруг овладела идея. В середине августа он составил докладную о том, каким образом можно решить проблему безошибочного закрепления примет преступников. Докладная была направлена Луи Андрие, занимавшему с марта 1879 г. пост префекта парижской полиции. Но ответа на докладную так и не последовало.

Бертильон продолжал свою работу. Ежедневно до начала службы он отправлялся в тюрьму Сантэ. Там ему разрешали – к вящему удивлению и веселью заключенных – производить свои измерения.

1 октября 1879 г. Бертильон получил повышение по службе: из помощников письмоводителя его перевели в писари, – и он тут же направил префекту вторую докладную. В ней

он ссылался на закон Кетле, согласно которому вероятность совпадения показателей роста у различных людей составляет 1:4, и при этом подчеркивал, что величина костей каждого взрослого человека не изменяется на протяжении всей его жизни. Но если данные о росте сложить с еще одним измерением – развивал свою мысль Бертильон, – например с длиной верхней части туловища, шанс совпадения уменьшится уже до 1:16. А если взять одиннадцать единиц измерения и зафиксировать их в карточке преступника, то по теории вероятности шансы совпадения размеров частей его тела с частями тела другого преступника будут равны 1:4 191 304. Располагая четырнадцатью единицами измерения, мы получим еще более низкое соотношение – 1:286 435 456. Выбор единиц для измерения – объяснял далее Бертильон – достаточно велик: можно измерять, кроме роста человека, отдельные части головы, длину различных пальцев, длину предплечья, ступней. Все существовавшие доселе описания внешности человека – резюмировал он – поверхностны и бесконтрольны; такая идентификация по внешнему виду является неполной и чревата грубыми ошибками. Так же обманчивы все виды фотографий, к тому же систематизировать их практически невозможно. Напротив, тщательный обмер преступников обеспечивает абсолютную надежность, исключает возможность обманов и ошибок. Более того, Бертильон предложил систематизацию карточек с данными измерения преступников, позволяющую за несколько минут

выяснить, имеются ли уже в картотеке данные на любого вновь арестованного.

Бертильон ссылаясь на опыт своего отца, который, систематизируя данные антропологических измерений, разделял их по величинам на три группы: большую, среднюю и малую. При таком делении – уверял он – очень просто разделить, скажем, картотеку из 90 тыс. различных карточек таким образом, чтобы любую из них можно было быстро в ней отыскать. Для этого за основу в карточке следует принять, например, длину головы и ее измерение подразделить на большое, среднее и малое; таким образом, в каждом подразделе окажется по 30 тыс. карточек. Если в них вторым измерением взять окружность головы и ее в свою очередь разбить на подразделы с величинами «большая», «средняя» и «малая», то в результате останется 9 групп по 10 тыс. карточек в каждой. А если таким же образом ввести подразделы для одиннадцати единиц измерения, то в каждом отделении картотеки останется всего от 3 до 20 карточек.

То, что Бертильону представлялось само собой разумеющимся, дилетанту на первый взгляд должно было казаться великой путаницей. Впрочем, и само изложение вопроса в докладной было более чем запутанным. Не получивший систематического образования, Бертильон так и не научился более или менее четко излагать свои мысли. Построение фразы у него было не совсем обычным, формулировки – туманны, да к тому же он бесконечно повторялся.

Альфонс Бертильон с трепетом ждал ответа префекта, так как был твердо убежден в своей правоте. Он вдруг поверил, что нашел смысл жизни и наконец сможет доказать, что он не такой уж «безнадежный случай» и не такая уж «паршивая овца» в своей семье.

В таком настроении он пребывал две недели. И вот свершилось то, чего он так напряженно ждал: его вызвал к себе префект. От волнения неловкий и скованный более обычно-го Бертильон с мертвенно-бледным лицом переступил порог кабинета Андрие и... пережил невообразимое разочарование. Луи Андрие был политиком из категории тех республиканцев, кого лишь связи и система торговли чинами могли привести на пост префекта полиции. Он никогда не интересовался ни статистикой, ни математикой, а его познания в столь специфичном полицейском деле были и вовсе ничтожны. Поскольку он не понял сути докладной Бертильона, то передал документ Гюставу Масэ, исполнявшему обязанности шефа Сюртэ.

Масэ имел большой опыт полицейской работы, но, будучи практиком, испытывал полнейшее пренебрежение ко всякого рода теориям и теоретикам. Из низших чинов дослужившийся до высшего поста в Сюртэ, он еще инспектором прославился успешным расследованием дела Вуарбо – об убийстве, совершенном в Париже в 1869 г.

В колодце было найдено расчлененное тело мужчины, аккуратно зашитое в коленкор. Весь Париж пришел в страшное

волнение. Масэ благодаря своей наблюдательности и находчивости не только сумел проследить путь этой жуткой находки, следы которой вели к портному Вуарбо, но и доказать, что именно Вуарбо в своей комнате расчленил труп. Способ, которым ему удалось все это раскрыть, свидетельствовал о блестящих дедуктивных способностях Масэ. Исходя из предпосылки, что при расчленении трупа должно было пролиться много крови, Масэ внимательно осмотрел деревянный пол в комнате портного. Однако на дочиста вымытых досках никаких подозрительных следов обнаружить не удалось. Единственное, на что Масэ обратил внимание, – это на крайне неровную поверхность пола, и велел налить на него воды. Затем в присутствии Вуарбо он поднял доски в тех местах, где вода скапливалась и медленно просачивалась под пол. Под досками оказалась запекшаяся кровь. Пораженный этим Вуарбо сознался, что убил и ограбил своего друга Бодасса, расчленив затем его труп.

Много дел раскрыл Масэ тем же дедуктивным методом, который никогда не потеряет своего значения в криминалистике. Но он настолько верил практическому опыту, практическому чутью и «фотографической памяти», что, вполне естественно, категорически отклонил докладную Бертильона. В своем ответе Андриэ Масэ отметил, что полиция не арена для показательных экспериментов всяких теоретиков. Андриэ считал позицию Масэ обоснованной, так как видел в ней оправдание своей неспособности понять предложение Бер-

тильона.

Префект встретил Бертильона вошедшими в историю словами: «Бертильон? Кажется, вы чиновник двадцатого класса и работаете у нас всего восемь месяцев, не так ли? И у вас уже появились идеи?! Ваша докладная читается как анекдот...»

Бертильон робко пытался ответить: «Господин префект... если вы позволите...» Андрие позволил. Но неспособность Бертильона вразумительно выражать свои мысли сказалась и здесь, к тому же его неловкость усилилась от волнения, и он окончательно запутался в объяснениях, так ничего и не прояснивших префекту. Андрие резко оборвал Бертильона и отпустил с предупреждением, дабы тот впредь не беспокоил префектуру своими идеями, иначе его увольнение будет делом нескольких минут.

Пока подавленный, но по-прежнему полный неукротимого упорства Бертильон возвращался в свой «угол» в префектуре, Андрие передал отцу Бертильона просьбу последить за сыном, чтобы тот заботился исключительно о своей службе и не совался бы в то, что выходит за пределы его обязанностей. В противном случае он будет вынужден отстранить его сына от столь милостиво предоставленной ему службы.

Доктор Луи Адольф Бертильон, переживший из-за своего сына немало горьких минут, на этот раз вызвал его к себе и сердито потребовал объяснений. С гневом стал он просматривать копию докладной, адресованной Андрие. Но после ее

прочтения гнев его угас, и он сказал сыну: «Извини меня (по свидетельству одного из современников, он был при этом очень взволнован), я уже совершенно потерял надежду на то, что ты когда-либо сможешь найти свой путь. Но он вот в этом. Это же прикладная наука, и она знаменует собой революцию в полиции. Я все объясню Андрие. Он должен это понять... Должен...»

Луи Адольф Бертильон на следующий же день отправился к префекту и попытался его переубедить. Тщетно. Однако в ценности предложений сына Бертильону-отцу удалось убедить депутата и генерального секретаря казначейства Гюстава Юбара, попытавшегося силой своего авторитета повлиять на решение Андрие. Тоже тщетно. Единственное, чего удалось добиться, так это несколько поколебать уверенность Андрие в собственной правоте. Но из-за престижных соображений он так и не отменил однажды принятого решения. Оставался один шанс: не вечно же Андрие быть префектом, и Альфонсу Бертильону нужно лишь терпеливо ждать его отставки.

В то время Луи Адольф Бертильон и не догадывался, что История, или, если хотите, госпожа Случайность, распорядилась таким образом, что на другом краю земли еще два человека носились с идеей найти решение проблемы, которую так неожиданно раскрыл его сын Альфонс Бертильон.

Философы при случае утверждают, что свет всякого познания идет с Востока. Правы ли они? Случайность ли это или загадочное предопределение?

Как бы то ни было, но в 1877 г. в Хугли – столице одноименного округа Индии – английский чиновник Уильям Хершел, лежа на кушетке в своем кабинете, диктовал письмо.

Хершел был еще относительно молодым человеком, ему было сорок четыре года, но амебная дизентерия и приступы лихорадки подорвали его здоровье и силы. Его бородатое лицо с запавшими щеками и поблекшими глазами было бледным, голос – усталым и слабым. Однако содержание письма было выстрадано им, и Хершел прилагал все усилия для того, чтобы придать тексту ту убежденность, которая переполняла его самого.

Письмо было адресовано генеральному инспектору тюрем Бенгалии и датировано 5 августа 1877 г. Текст гласил: «При этом направляю Вам работу, содержащую описание нового метода идентификации личности. Он заключается в штемпелеподобном оттиске указательного и среднего пальцев правой руки. (Простоты ради берутся только оттиски этих двух пальцев.) Для получения оттиска годится обычная штемпельная краска... Способ получения такого оттиска ед-

ва ли сложнее получения обычного отпечатка канцелярского штампа. В течение нескольких месяцев я проверял этот способ на заключенных, а также при выдаче документов и выплате жалованья, и ни разу не столкнулся с какими-либо практическими трудностями. У всех лиц, получающих в настоящее время в Хугли официальные документы, берут отпечатки пальцев. Пока что никто этому не противился. Я полагаю, если ввести повсеместно этот метод, то можно будет навсегда покончить с махинациями при установлении личности... В течение последних 20 лет я заполнил тысячи карточек отпечатками пальцев и теперь могу почти всегда идентифицировать людей на основе этих отпечатков».

В самом деле, в тот день минуло двадцать, точнее, девятнадцать лет с того дня, как Хершел, совсем еще молодой секретарь в Джанипуре, высокогорном районе округа Хугли, впервые столкнулся со странными следами, какие оставляют грязные человеческие руки и пальцы на древесине, стекле или бумаге. Это были следы, создававшие картину, полную причудливых линий, изгибов, петель и спиралей. Впоследствии сам Хершел не смог точно объяснить, как и когда этот феномен попал в круг его интересов. Наверное, в те минуты, когда он наблюдал за приезжавшими в те времена в Бенгалию китайскими торговцами, которые при заключении сделок ставили иногда на деловых бумагах отпечаток черного большого пальца правой руки. Возможно, ему было известно о китайском обычае, согласно которому развод су-

пругов удостоверился отпечатком пальца мужа, а у внебрачных детей брали отпечатки пальцев при их поступлении в приют.

Как бы то ни было, но Хершел еще в 1858 г. потребовал у поставщика материалов для дорожного строительства индуса Раджьядара Конаи, как у одной из договаривающихся сторон, почеркнуть штемпельной краской пальцы и ладонь его правой руки и сделать оттиск на договоре поставки. В то время Хершел даже приблизительно не ориентировался в узорах линий, образующихся при отпечатках пальцев. Он просто хотел этой таинственной манипуляцией обязать индуса, который, как и многие его соотечественники, весьма охотно нарушал сроки поставки, выполнить условия заключенного договора. Но именно с этого момента узоры в отпечатках пальцев навсегда полонили Хершела.

Итак, он диктовал письмо. Тут же лежала старая, пожелтевшая записная книжка, на обложке которой были выписаны два слова: «Знаки руки». Книжка эта была заполнена отпечатками его собственных пальцев и пальцев многих индийцев, у которых он на протяжении 19 лет регулярно брал отпечатки. С изумлением Хершел обнаружил, что отпечатки пальцев, взятые у одного человека, никогда не совпадали с отпечатками пальцев другого человека: всегда линии на кончиках пальцев рук переплетались по-разному. Он научился различать узоры этих линий и узнавать людей по «рисункам их пальцев». А когда вычитал в учебнике анатомии, что та-

кие узоры называются «папиллярными линиями», то перенял это название.

Дело в том, что на протяжении 15 лет он стоял перед проблемой, возникавшей в связи с его обязанностями выплачивать жалование все растущему количеству индийских солдат. Для глаза европейца все они были на одно лицо. Почти у всех были одинакового цвета волосы и глаза, имена их тоже постоянно повторялись, писать же никто из них не умел. Зато часто случалось, что, получив жалование, они появлялись снова и уверяли при этом, что денег им еще не выдавали. Иногда они даже присылали друзей или родственников, и те требовали жалование по второму разу, поскольку носили ту же фамилию. Так как Хершел был не в состоянии отличить претендентов на жалование друг от друга, он в конце концов решил заставить их оставлять отпечатки двух пальцев – как в поименных списках, так и на платежных квитанциях. После этого махинации мгновенно прекратились.

С течением лет Хершел углублял свои познания в этой области. Так, оказалось, что на ладонной поверхности ногтевых фаланг пальцев рук человека узоры остаются неизменными. Они все те же и через 5, 10, 15, и через 19 лет. Неопровержимым тому доказательством была записная книжка Хершела. Человек может постареть, болезни и возраст изменят его лицо и фигуру, но пальцевые узоры останутся все теми же. У человека это неизменный индивидуальный знак, по которому его можно опознать и после смерти, и даже тогда,

когда от человека не останется ничего, кроме лоскутка кожи с пальцев его руки. Что это, чудо? Случайность или воля Создателя, пожелавшего безошибочно различить свои творения? Хершел не знал ответа на эти вопросы, но распорядился, чтобы в одной из тюрем его округа в реестре рядом с фамилией каждого заключенного проставлялись отпечатки его пальцев.

Как бы неправдоподобно это ни звучало, но теперь стало возможным говорить о порядке в этом страшном хаосе. Ведь с незапамятных времен бывало, что вместо осужденных отбывали наказание подставные лица, а опасные преступники проходили по незначительным делам, и лишь изредка удавалось установить, стоял ли прежде перед судом вновь осужденный или нет.

Хершел достаточно полно осознал истинное значение своего открытия, и перспективы его применения уводили далеко за пределы Хугли. Мысли Хершела устремлялись в Англию, в Лондон. Разве там, на его родине, мог хоть один полицейский совершенно безошибочно установить, был ли именно этот преступник, этот мошенник, взломщик или вор ранее судим или нет, особенно если он изменял фамилию (что было дозволено каждому)? Разве не вводили в заблуждение даже фотографии? А единичны ли случаи, когда невиновные люди становились жертвами жутких ошибок при идентификации, в результате чего попадали на каторгу, а то и на виселицу? А разве не предпринимались издавна попыт-

ки найти некий признак, позволявший безошибочно опознать того или иного человека?

Хершелу не надо было долго искать подходящий пример. В то время в Лондоне велось уголовное дело, в ходе которого разгорелась многолетняя борьба по вопросу идентификации одного человека. Волны страстей, бушевавших вокруг этого дела, докатились и до Бенгалии. Все были наслышаны о процессе по делу о миллионном наследстве лорда Джеймса Тичборна, за которым с 1866 по 1874 г., затаив дыхание, следил весь Лондон. И все из-за одного мошенника, выдававшего себя за единственного наследника лорда Джеймса, его сына Роджера, который пропал без вести в 1854 г. Этот неотесанный, до смешного полный человек по фамилии Кастро из Вага-Вага, в Австралии, сумел обмануть полуслепую мать Роджера Тичборна так же мастерски, как и его родственников, врачей и даже таких известных лондонских адвокатов, как Сарджент Баллентайн и Эдвард Кенили! Короче говоря, этот аферист в 1874 г. после бесконечно тянувшегося разбирательства был приговорен к четырнадцати годам каторги, а судебные издержки составили несколько миллионов фунтов стерлингов.

Но сколько же свидетелей признавали в нем настоящего Роджера Тичборна! Сколько свидетелей поклялись в этом! А сколько оказалось «достоверных примет» на его теле! Но что произошло бы (именно этот вопрос не давал покоя Хершелу), если бы воспользовались его открытием – отпечатками

пальцев? Разве Роджер Тичборн не был солдатом? Что, если бы уже в то время стали бы при регистрации военнослужащих брать у них отпечатки пальцев? Тогда этот грандиозный процесс закончился бы в считанные минуты, если бы можно было предъявить отпечатки пальцев Роджера Тичборна времен его службы в армии. Это же так просто: штемпельная подушечка, оттиски пальцев Кастро, сравнение, и все ясно: Кастро – обманщик!

Уильям Хершел продолжал диктовать свое письмо: «Как пример того, сколь полезным мог бы стать мой метод, я приведу дело Тичборна. Если бы у Роджера при поступлении в армию взяли отпечатки пальцев и они где-нибудь хранились, то весь процесс был бы закончен в течение десяти минут. Я полагаю, нет надобности более подробно излагать, насколько необходима идентификация в тюрьмах. Отпечатки пальцев – это средство, позволяющее в любое время установить, идентична ли личность заключенного личности ранее судимого. Для этого нужно будет лишь вызвать заключенного и взять у него отпечатки пальцев. Если он не был прежде судим – это тут же выяснится. То же самое, если понадобится выяснить, действительно ли умер, например, заключенный № 1302 или это подставной мертвец? У трупа есть два пальца, и они дадут ответ на этот вопрос.

Не откажите во внимании к данному делу и разрешите мне попробовать применить мой метод в других тюрьмах...»

Этой просьбой закончил Хершел письмо генеральному

инспектору. К письму он приложил множество собранных им за долгие 19 лет отпечатков и сделал приписку: «Бережно сохранить прилагаемые образцы просит преданный Вам У. Хершел».

Хершел запечатал письмо дрожащей рукой, но в глубине души он был полон надежд и верил, что его письмо вызовет интерес и одобрение.

Через десять дней он держал в руках ответ генерального инспектора тюрем. Это было письмо, полное дружеских слов, которые, однако, служили лишь прикрытием того, что генеральный инспектор, зная о тяжелом недуге Хершела, считал его предложения горячечным бредом.

Ответ поверг Хершела в глубокую депрессию, которая на несколько лет полностью выбила его из колеи и не дала ему сделать больше ни одного шага, чтобы отстаивать свое открытие. У него было только одно желание: вернуться на родину, в Англию, где ему, возможно, удастся восстановить свое здоровье.

В конце 1879 г. он отправился в путь.

В этом месте опять хочется вспомнить о совершенно непостижимой внутренней логике истории или же о великой случайности.

В то же самое время, когда Уильям Хершел угасал в Хугли и писал свое столь же значимое, сколь и оказавшееся бесполезным письмо генеральному инспектору тюрем Бенгалии, в больнице Цукиджи, в Токио, работал врач-шотландец, доктор Генри Фолдс. Он преподавал японским студентам физиологию. Фолдс был человеком совсем другого склада, нежели Хершел. Воинствующий пресвитерианец, умный, полный фантазии, но одновременно холерик, обидчивый, эгоцентричный, своенравный и упрямый до ограниченности. Фолдс никогда не встречался с Хершелом, не слышал ни о нем самом, ни о его экспериментах в Индии. Но в письме, которое Фолдс послал в начале 1880 г. в Лондон в журнал «Нейчер» («Природа»), был такой абзац: «В 1879 г. мне довелось рассматривать несколько найденных в Японии доисторических глиняных черепков, и я обратил внимание на отдельные отпечатки пальцев, которые, должно быть, остались на сосудах тогда, когда глина была еще влажной. Сравнение этих отпечатков с вновь сделанными дало мне повод заняться этой проблемой... Общий тип пальцевого узора не меняется в течение всей жизни, а следовательно, может слу-

жить для идентификации лучше, чем фотография».

С 1879 по 1880 г. Фолдс собрал массу отпечатков пальцев и изучил всевозможное разнообразие пальцевых узоров, образуемых папиллярными линиями. Сначала его заинтересовали только этнографические проблемы, в частности, вопрос о том, существуют ли отличия линий в отпечатках пальцев у представителей различных народов. Позже он стал изучать вопрос, передаются ли по наследству узоры папиллярных линий. Затем случай навел его на один след, который отныне уже не давал ему покоя. По соседству с домом Фолдса через побеленную каменную стену перелез вор. Фолдсу, чье увлечение пальцевыми узорами было общеизвестно, сообщили, что на стене остались четкие следы испачканных сажей пальцев человека. Пока Фолдс изучал эти отпечатки, вора арестовали. Тогда Фолдс попросил у японской полиции разрешения отобрать отпечатки пальцев у задержанного. Но, сравнив пальцевые узоры, оставшиеся на стене, с пальцевыми узорами арестованного, он выяснил, что они совершенно разные. А так как отпечаток на стене должен был, естественно, принадлежать только вору (он перед этим споткнулся об остывшую жаровню), то Фолдс сделал вывод – арестованный невиновен. И оказался прав: через несколько дней был арестован настоящий взломщик. Для полной уверенности Фолдс взял отпечатки пальцев и у него. Теперь они полностью совпадали со следами на стене.

Богатая фантазия Фолдса заработала. А что, если на месте

каждого преступления искать отпечатки пальцев преступника? Что, если таким образом можно будет изобличать воров и убийц?

Эта идея была воплощена в жизнь, когда произошла драка кража. В этот раз тоже позвали на помощь Фолдса, и он обнаружил на бокале отпечаток целой ладони. Случай этот натолкнул его на мысль, что для того, чтобы остался отпечаток, вовсе не обязательно чернить пальцы. Через выходные отверстия потовых желез на кончиках пальцев выделяется жировой секрет, который оставляет отпечаток столь же четкий, как сажа или краска.

При всем том определяющую роль сыграл другой, прямо-таки невероятный случай.

Во время своих прежних исследований Фолдс в различных домах отбирал отпечатки пальцев слуг. Теперь он сравнил отпечатки, оставленные на бокале, с отпечатками, имеющимися в его коллекции. Результат поразил его, но факт оставался фактом: отпечатки на бокале полностью совпадали с пальцевыми узорами одного из слуг, отпечатки которого он отобрал ранее. Привлеченный к ответу слуга сознался.

Теперь у Фолдса не оставалось сомнений в том, что он открыл метод доказывания, который произведет революцию в работе полиции всего мира. Он увидел такую возможность применения отпечатков пальцев, о которой не догадался Хершел. Но Фолдс не удовлетворился этим. Хотя он не был полицейским, но после того, как случай однажды

ввел его в мир полиции и преступлений, этого оказалось достаточно, чтобы его фантазия привела к открытиям, соответствовавшим выводам одного тяжелобольного человека в Хугли – Хершела.

Все свои наблюдения и выводы Фолдс изложил в письме, отправленном им в английский журнал «Нейчер». Он писал: «Если на месте преступления обнаружены отпечатки пальцев, они могут привести к обнаружению преступника. Я уже дважды проверил это на практике. В судебно-медицинской практике отпечатки пальцев могут иметь еще и другое применение, например когда от изуродованного трупа остались неповрежденными только руки. Если узоры папиллярных линий были заранее известны, то у вас, без сомнения, будет доказательство более верное, чем злополучное родимое пятно в дешевых бульварных романах... У всех опасных преступников можно после вынесения им приговора отбирать отпечатки пальцев и хранить их. Если случится, что через некоторое время за вновь совершенное преступление будет арестован тот же преступник, но под другой фамилией, то путем сравнения отпечатков пальцев можно будет установить подлинное его имя... Основной тип пальцевого узора не изменяется на протяжении всей жизни человека и поэтому может служить лучшим способом идентификации, нежели фотография».

Журнал «Нейчер» опубликовал письмо Фолдса 28 октября 1880 г. Несколько дней спустя перекрестились пути двух

людей, которые шли независимо друг от друга к идее использования отпечатков пальцев в целях идентификации и принесли ее в Европу с далекого Востока.

Статья Фолдса застала Хершела, вернувшегося к тому времени в Англию и медленно поправлявшегося на родине, в его доме в Литлморе. Прочтя сообщение Фолдса, Хершел страшно возмутился и тут же написал письмо в тот же журнал «Нейчер». В нем он сообщал, что задолго до Фолдса, а именно 20 лет назад, он отбирал отпечатки пальцев и использовал их в самых различных целях для идентификации. И лишь нерадивость его начальства да собственное нездоровье не позволили ему широко оповестить об этом. Вопроса об использовании отпечатков пальцев, найденных на месте преступления, – идеи, целиком принадлежащей Фолдсу, Хершел не касался.

Вполне можно понять чувства Хершела, когда он прочел известие о том, как кто-то за один год сделал открытие, над которым он сам трудился два десятилетия. Естественно также и то, что, заявляя о своем праве первооткрывателя, он вначале не обратил внимания на несомненно оригинальную мысль Фолдса. Во всяком случае, Хершелу в первую очередь важно было сослаться на свою собственную работу.

Для строптивой натуры Фолдса письмо Хершела, как только он узнал о нем, стало вызовом – вызовом человека, посягающего на его приоритет в этом открытии. Разве это его вина, что Хершел не довел свои наблюдения до сведения

общественности, а промолчал? Это он, Фолдс, только он обратил внимание всего мира на отпечатки пальцев. Лишь он один...

Не теряя ни минуты, Фолдс решил вступить в борьбу, о которой Хершел и не помышлял. Фолдс решил вернуться в Англию, но еще до отъезда разослал повсюду письма, адресуя их знаменитостям того времени, с тем чтобы ознакомить их со своей идеей и закрепить за собой право первооткрывателя. Он пишет таким ученым, как Чарлз Дарвин. Он написал и британскому министру внутренних дел, а также шефу лондонской полиции Эдмунду Гендерсону, предлагая каждому из них свое открытие. Но никто из влиятельных лиц в лондонской полиции ему не ответил. Наконец через одного знакомого в Лондоне Фолдсу удалось узнать, что в Скотленд-Ярде, этом святилище лондонской полиции, его принимают за афериста.

Вслед за этим Фолдс шлет письма во Францию. Он пишет префекту парижской полиции Луи Андрие. Фолдс не мог знать, что Андрие меньше всех способен вдохновиться такого рода радикальными идеями. Еще менее мог Фолдс, отправляя свое письмо, предполагать, что Андрие после всего лишь двухлетней службы находится накануне своей отставки, а новый политик, на этот раз Жан Камекасс, готов сменить его на посту префекта парижской полиции и что тем самым будет открыт путь другой идее идентификации, для другого человека, о существовании которого Фолдс тогда и

не подозревал, – для Альфонса Бертильона.

Если впоследствии порой и утверждали, что Жан Камекасс был человеком настолько дальновидным, что сразу же постиг значение идеи Альфонса Бертильона, то это всего лишь одна из легенд, которыми столь часто бывают вымощены пути истории.

Камекасс, как и Андрие, был политиком. В качестве префекта полиции он приобрел известность благодаря тому, что основал первую школу полиции. Об идее Бертильона он имел такое же туманное представление, как и его предшественник. До 1881 г., то есть до своего вступления на пост префекта полиции, Камекасс никогда не слышал о титулярном письмоводителе из Первого бюро.

Доктор Луи Адольф Бертильон, прикованный к постели в Нейи тяжелой формой артрита, не смог своим личным присутствием использовать смену префектов, которой он так ждал, в интересах своего сына. Но он писал письма, телеграфировал и посылал к префекту друзей. Он был достаточно хорошим врачом, чтобы понимать, что на полное выздоровление ему рассчитывать не приходится; следовательно, у него осталось слишком мало времени для того, чтобы помочь сыну проложить себе путь в жизни. Но лишь через год, в ноябре 1882 г., одному из его друзей, парижскому адвокату Эдгару Деманжу, удалось убедить Камекасса, что если тот не

хочет упустить случая прослыть новатором в борьбе с преступностью, то ему надо испытать метод Бертильона.

Спустя несколько недель, в середине ноября, Камекасс вызвал к себе Бертильона. Но и на этот раз, хотя последний и был подготовлен отцом к этой встрече, присущая ему неловкость испортила весь ход столь важного первого свидания с префектом. Наверное, Альфонс Бертильон опять потерпел бы поражение, не будь Камекасс связан данным Деманжу обещанием оказать содействие сыну Луи Адольфа. В конце концов Камекасс завершил беседу вымученными словами: «Хорошо, я дам вам шанс проверить свои идеи. Со следующей недели мы на пробу введем ваш метод идентификации. Я дам вам двух помощников и три месяца срока. Если за это время вы исключительно при помощи одного вашего метода распознаете рецидивиста, тогда...»

Если принять во внимание условия, на которых был предоставлен этот шанс, то вряд ли его вообще можно назвать шансом. Ничтожной была вероятность того, что именно в течение этих трех месяцев будет задержан преступник, его осудят, он отбудет наказание, выйдет на свободу, опять совершит преступление и его вновь арестуют. Бертильон прекрасно понимал, что только исключительно счастливый случай будет ему помощником в выполнении условий, поставленных Камекассом. Тем не менее он безропотно согласился. И, по-видимому, правильно сделал. Гюстав Масэ, узнав, что ему придется отдать Бертильону двух пи-

сарей, возмущился до глубины души. Система Бертильона, утверждал он, может оказаться действенной при условии, что измерения всегда будут проводиться самыми добросовестными сотрудниками и самым добросовестным образом. Но ради всего святого, не забывайте о рутине и о том, что измерения большинство служащих будут проводить чисто механически.

За всем этим скрывалось глубокое недоверие старого практика к занудному теоретику и ко всему тому, что звалось наукой. Тем не менее в возражениях Масэ содержалось зерно истины, которое значительно позже (а для Бертильона – трагическим образом) дало о себе знать. Но на этот раз протест Масэ не возымел действия.

Возможно, и сам Камекасс не надеялся на успех опытов Бертильона. В комнате, где до сего времени все еще работал Бертильон, стали официально проводить измерения и регистрацию данных. Но в каких это происходило условиях! Коллеги наблюдали за Бертильоном, не прекращая издевательских насмешек. Обоим помощникам нельзя было доверять, так как они никак не могли постичь смысла порученной им работы. Они пытались восставать против мрачной и ожесточенной педантичности Бертильона, с которой тот следил за их действиями. Им было известно отрицательное отношение Масэ ко всему происходящему, и они шушукались за спиной Бертильона, но послушаться не решались, так как боялись его холодной ярости, готовой обрушиться на них, допусти они

малейшую неточность. Бертильон безмолвствовал и работал как одержимый. Он измерял, проверял, записывал.

С некоторых пор каждый вечер с итогами всего сделанного за день он спешил в маленькую квартирку, в которой с зимы 1881 г. стал частым гостем. Квартира принадлежала молодой австрийке Амелии Нотар, невзрачной близорукой женщине, кое-как перебивавшейся в Париже уроками языка. Однажды из-за своей близорукости она попросила Бертильона помочь ей перейти перекресток. Замкнутый, необщительный Бертильон раскрыл свои мысли перед такой же замкнутой и необщительной женщиной. Так зародился этот необыкновенный союз, со временем превратившийся в столь же необыкновенный брак. Бертильон не настолько доверял своим помощникам, чтобы позволить им заполнять регистрационные карточки. Это делала Амелия Нотар. Она своим каллиграфическим почерком вписывала в них данные с утра до ночи.

К началу января 1883 г. у Бертильона в картотеке было 500 карточек, к середине января – уже тысяча, а в начале февраля их насчитывалось 1600. Регистрационная система функционировала. Но что из этого? Февраль был третьим месяцем испытательного срока, а следовательно, последним, отведенным Бертильону для опыта. К 15 февраля в картотеке было уже 1800 регистрационных карточек. Но до сего времени к Бертильону еще ни разу не приводили никого, кто был бы уже однажды им обмерен и кого можно было бы опо-

знать по данным, имеющимся в картотеке.

Февраль того года выдался туманным, небо было мрачным, и эта мрачность была под стать настроению Бертильона. Он был раздражительным более обычного, во время работы что-то бормотал про себя. Его опять мучили жестокие приступы мигрени, опять повторялись носовые кровотечения, опять «взбунтовался» желудок. 17 февраля его отделяло еще 12 дней от рокового срока; 19 февраля оставалось всего 10 дней...

20 февраля, незадолго до конца рабочего дня, Бертильон лично обмерял последнего из арестованных, назвавшегося Дюпоном. Он был шестым Дюпоном за этот день. Уже давно среди уголовников, не отличавшихся богатством фантазии, фамилия Дюпон стала излюбленным псевдонимом. Бертильон измеряет: длина головы – 157 мм, ширина головы – 156 мм, длина среднего пальца – 114 мм, мизинца – 89 мм...

Раньше он часто ловил себя на том, что черты лица вновь арестованного казались ему знакомыми. С дрожью в руках перебирал он тогда карточки, преисполненный надежды найти наконец то, что было ему так необходимо. И всякий раз он чувствовал себя одураченным. Одураченным ненадежностью человеческого глаза, с чем его системе и предстояло сразиться. Теперь же по завершении обмера арестованного Дюпона ему тоже показалось, что перед ним уже знакомое лицо. Но, пребывая в дурном расположении духа, он противился собственным ощущениям.

По своей длине голова арестованного Дюпона подходила к разделу картотеки с пометкой «средняя». Тут имелась отсылка в соответствующий подраздел. А данные измерения ширины головы, тоже разбитые на подразделы, позволили уменьшить количество искомых картотечных ящиков до девяти; данные о длине среднего пальца сократили это количество до трех, а данные о длине мизинца уместались в одном ящике, и в нем было всего пятьдесят карточек. Одну из них минуту спустя Бертильон держал в похолодевшей от волнения руке. В ней значились те же цифры, которые он только что получил, измеряя арестованного Дюпона. Но в карточке стояла другая фамилия: Мартэн, арестованный 15 декабря 1882 г. за кражу пустых бутылок.

Бертильон повернулся к арестованному. «Я вас уже однажды видел, — еле выговорил он, — вы были задержаны 15 декабря прошлого года за кражу пустых бутылок. Тогда вы называли себя Мартэн...» Воцарилось напряженное молчание. Полицейский, сопровождавший задержанного, был потрясен. А арестованный со злостью воскликнул: «Ну и ладно! Ну и ладно, это был я...» Остальные служащие, которые были очевидцами этой сцены, уставились на Бертильона. Некоторые из них решили, что ему помог случай, другие понимали, что тот, над кем они с таким удовольствием издевались, переживает в это мгновение настоящий триумф. Бертильон овладел своим волнением и обвел всех их взглядом, полным сарказма. По своему обыкновению он, не проронив ни слова,

сел за письменный стол и стал сочинять докладную префекту полиции, затем отправил ее. Только после этого он запер свою картотеку и покинул бюро. На улице Бертильон повел себя необыкновенным для него образом: нанял дрожки и отправился прямо к Амелии Нотар. Только там он на мгновение дал выход своему волнению и поведал своей тихой и, как всегда, преданной слушательнице о пришедшем к нему наконец успехе. Затем он поехал к отцу. То, что он сообщил ему, было последней радостью для больного человека, который через несколько дней после этого скончался.

21 февраля 1883 г. парижские газеты опубликовали первые сообщения о случае Дюпон-Мартэна и о новой системе идентификации Бертильона. Сообщение едва заметили. Но через двадцать четыре часа Камекасс призвал к себе Бертильона и разрешил продлить его опыты на неопределенный срок. Заманчивая для каждого политика мысль обрести известность благодаря введению прогрессивного новшества воодушевила и Камекасса. Он решил: этого человека надо поддержать! И Бертильон получает в свое распоряжение еще нескольких помощников и отдельное помещение для того, чтобы иметь возможность без помех проводить измерения.

В остальном мало что изменилось. В марте ему удалась еще одна идентификация ранее судимого. На протяжении следующего квартала Бертильон идентифицировал еще 6, в июле, августе и сентябре – 15, а до конца года – 26 заключенных, при опознании которых старые, рутинные методы

и «фотографическая память» отказали. Его регистратура к тому времени насчитывала 7336 карточек. В них ни разу не повторялись все размеры регистрируемых.

Успех Бертильона все еще продолжал быть внутренним делом префектуры полиции. В отношении к нему понемногу происходили изменения, характерные для окружения преуспевающего человека. Насмешники приумолкли и встречали его с большой предупредительностью. Но в чудаковатом Бертильоне слишком глубоко засело недоверие к ним. В отместку за столь долго переносимые им издевки он теперь держался с демонстративной холодностью и едким сарказмом.

Гюстав Масэ, самый сильный и серьезный противник Бертильона, 1 апреля 1884 г. подал в отставку, так как в городском управлении ему не удалось выбить больше денег для Сюртэ (в частности, ему не позволили даже провести телефон, хотя он готов был из собственных средств оплатить его установку). Но Сюртэ в целом была настолько крепко связана с практикой старой школы, что там все равно не принимали всерьез Бертильона – «бледнолицего из префектуры». Некоторые инспекторы шутки ради с ложным дружелюбием приглашали Бертильона идентифицировать первого попавшегося покойника или пьяного. Они потешались над тем чувством отвращения, какое внушал Бертильону вид мертвого тела. Только когда ему действительно удалось путем измерения и сравнения данных, имеющихся в его картоте-

ке, опознать одного покойника, идентифицировать которого Сюртэ оказалось невозможным, отрицательное отношение к нему стало мало-помалу, хотя и неохотно, уступать место признанию. Но неужели и им, работникам Сюртэ, для поиска конкретного лица Бертильон навяжет свои измерения? Им что же, каждого подозрительного задерживать, раздевать и измерять?

Сам Бертильон абсолютно ничего не предпринимал для того, чтобы побыстрее растопить этот лед отчужденности. Не забывались и перенесенные насмешки. Он по-прежнему оставался оскорбительно резким. К середине 1884 г. Бертильон так выдрессировал своих помощников, что смог уже доверять им измерение и заполнение карточек. Таким образом у него оставалось время для занятий новыми проблемами. Бертильон часами просиживал за своим письменным столом, пристально вглядываясь в фотографии тех заключенных, которых он уже измерял. Фотографии изготавливались тут же, в ателье, расположенном на чердаке префектуры. Бертильон приобрел собственное фотооборудование и стал по-своему снимать заключенных. Затем вырезал из снимков и дюжинами наклеивал отдельно изображения ушей, носов, глаз. Одновременно он с прилежанием муравья искал наиболее точный способ описания их формы. Перечень вариантов был бесконечным. К примеру, описание носа выглядело так: S-образная спинка носа, смятая спинка носа, расплюснутая спинка носа, искривленная вправо или влево спинка носа;

ноздри сомкнутые, ноздри толстые и т. п. и т. д. У каждого заключенного он исследовал цвет глаз, различая при этом внешние и внутренние участки роговицы в зависимости от ее окраски: с желтым пигментом, оранжевым, каштановым, карим, серо-голубым...

Стимулятором этого поиска был все тот же иронический вопрос сотрудников Сюртэ, допытывавшихся, надо ли им выслеживать и арестовывать разыскиваемого преступника по картотечным данным, иными словами – с сантиметровой лентой в кармане.

Бертильон был поглощен еще одним новым замыслом, который последовательно воплощал в жизнь. Он вздумал дополнить карточки с данными измерений хорошими фотографиями и описаниями преступников с тем, чтобы любой полицейский, познакомясь с ними, тут же мог хорошо представить себе облик разыскиваемого преступника и при случае узнать его и задержать. Затем можно будет проверить правильность ареста путем обмеривания задержанного. Бертильон искал такой способ фотосъемки, при котором можно было бы зафиксировать на бумаге неизменяемые или трудноизменяемые черты человеческого лица. Наконец, он пришел к выводу, что этим требованиям лучше всего отвечает снимок в профиль.

В течение 1884 г. Бертильон идентифицировал 300 ранее судимых, из которых большинство опять-таки проскользнули сквозь сети старых методов идентификации. За этот же

год ему ни разу не встречались величины измерения, которые бы повторялись во всех деталях. Можно было больше не сомневаться в надежности его системы. Она функционировала.

Камекасс начал водить к Бертильону своих друзей – политиков и зарубежных гостей и демонстрировать им его метод измерений. В конце 1884 г. таким путем попал к Бертильону англичанин Эдмунд Р. Спирмэн, интересовавшийся работой полиции и имевший солидные связи в британском министерстве внутренних дел. Спирмэн, о котором еще пойдет речь, проявил столь бурную заинтересованность, что на какое-то мгновение расплавил холодную замкнутость Бертильона, и тот охотно продемонстрировал перед англичанином свою систему.

Тогда же Бертильона посетил и директор управления французских тюрем Эбер. Он тоже быстро уловил, что отныне у него появились шансы для наведения порядка в регистрации заключенных во Франции, где, как и в полицейском архиве, полным-полно было фальшивых фамилий. Спустя несколько дней после посещения им Бертильона Эбер объявил французским журналистам, что намерен ввести метод Альфонса Бертильона в практику французских тюрем. Это вызвало чрезвычайный интерес к особе Бертильона. На следующий день его имя впервые появилось в крупных парижских газетах. Заголовки гласили: «Молодой французский ученый революционизировал идентификацию преступ-

ников», «Французская полиция снова во главе мирового прогресса», «Гениальный измерительный метод д-ра Бертильона». За одну ночь Бертильон оказался на верном пути к славе национального масштаба.

1885 год (Камекасс ушел в отставку, и его место занял новый префект, Граньон) был годом, когда во всех тюрьмах Франции вводился метод антропометрии, как теперь назвал его Бертильон.

Граньон не испытывал симпатии к Бертильону, но прекрасно понимал, что антропометрия знаменует собой настоящую революцию в деятельности полиции и всей пенитенциарной системы. Он потребовал ввести измерения преступников в полицейских службах провинций и добивался создания в Париже центрального антропометрического бюро, по возможности в собственном новом помещении. Но планам Граньона противодействовала неповоротливость управленческой бюрократии. Ему пришлось удовлетвориться тем, что вместо нового здания для бюро было отведено несколько чердачных помещений во Дворце юстиции. Помещения эти находились в плачевном состоянии. Зимой там было еще холоднее, а летом еще жарче, чем в прежней рабочей комнате Бертильона. Но 1 февраля 1888 г. Бертильон, именуемый теперь «директором полицейской службы идентификации», въехал туда.

На открытие новой службы собрались представители министерств, палаты депутатов и сената, парижские журнали-

сты и репортеры, приехавшие из провинций. Бертильон молча выслушивал приветственные речи. Дождавшись последнего выступления, он без каких-либо слов благодарности исчез в своей комнате – первом в его жизни собственном кабинете.

Лишь полное отсутствие чувства прекрасного могло позволить Бертильону довольствоваться достигнутым и не замечать мрачной безвкусицы обстановки своего учреждения. Самым важным было то, что это наконец его владение, где он хозяин. Отныне каждому посетителю придется, преодолев множество ступеней, остановиться на последней и ждать, примут его или нет. В этом была своеобразная месть Бертильона за времена прежних унижений.

На следующее утро парижские журналисты придумали новое слово, быстро вошедшее во французский, а затем и во многие иностранные языки, – «бертильонаж».

«Бертильонаж, основанный на измерении отдельных неизменяемых частей человеческого скелета, – писал Пьер Брюллар, – величайшее и гениальнейшее открытие XIX века в области полицейского дела. Благодаря французскому гению скоро не только во Франции, но и во всем мире не будет ошибок в идентификации, а следовательно, и судебных ошибок вследствие неправильной идентификации. Да здравствует бертильонаж! Да здравствует Альфонс Бертильон!»

Несколько недель спустя Бертильон потребовал передать в ведение службы идентификации фотоателье и получил

его. Фотографы пытались противиться его приказу снимать каждого арестованного дважды: анфас и в профиль. При чем эти два снимка следовало делать с одинакового расстояния, при одинаковом освещении, а голова фотографируемого должна была сохранять одно и то же положение. Подумать только, какое непосильное требование к фотографам! Они-то еще продолжали считать себя художниками, а не какими-то техническими исполнителями. Однако им быстро пришлось познакомиться с гневом Бертильона, его тихим голосом, но оскорбительно холодным тоном. Вскоре Бертильон сконструировал кресло, вращающееся вместе с сидящим на нем заключенным, что давало возможность делать два снимка согласно необходимым требованиям. Готовые снимки тут же наклеивались на карточку с данными измерений. И хотя картотека выросла до невероятных размеров, почти до полумиллиона карточек, Бертильон сам вносил туда словесный портрет – «описание преступника словами». Как долго он искал способ формализовать это описание! Вместе с новыми фотографиями этот «говорящий портрет» должен был обрисовать как можно точнее облик правонарушителя. С таким точным «портретом» полицейским пока не приходилось иметь дела. Для каждой видимой приметы головы теперь имелись точно сформулированные понятия с буквенным обозначением каждого. Ряд таких букв составлял формулу, то есть совокупность характерных признаков для каждого конкретного человека. Всему этому Бер-

тильон стал обучать своих подчиненных. Они должны были заучивать наизусть формулы тех заключенных, которых они лично не знали, а затем отправляться в тюрьму Сантэ на «парад арестантов» и там выискивать тех, чью формулу они заучили. Благодаря безжалостной муштре Бертильона им действительно удавалось опознать большую часть заключенных.

Но как некогда Гюстав Масэ отрицал опыты Бертильона, так и теперь некоторые сотрудники Сюртэ критически заявляли: словесный портрет – это сверхсложный вздор, с которым нормальный полицейский немногого достигнет. Однако к тому мнению уже никто не прислушивался. Словесный портрет был введен во французской полиции как дополнение к карточке с данными измерений и как основное средство при розыске преступника.

К началу 1889 г. Бертильон почти достиг вершины своей славы, не хватало лишь какой-то малости, какого-то особого случая для того, чтобы его имя оказалось навечно вписанным в историю Франции.

11 марта 1892 г. взрыв потряс бульвар Сен-Жермен в Париже. Облака дыма вырывались из распахнутых окон дома № 136. Полиция и пожарные, прибывшие на место происшествия, решили, что взорвался газ. Но под развалинами третьего этажа были найдены остатки бомбы. А так как в этом доме проживал председатель суда Бенуа, который в мае 1891 г. вел судебный процесс над несколькими анархистами, то никто не сомневался относительно того, кто подложил бомбу. Однако попытка найти истинных виновников вначале не дала никаких результатов. Волнение общественности возрастало. Наконец 16 марта женщина – агент Сюртэ, значившаяся в ее списках под номером X2S1, сообщила интересные сведения. Она была знакома с супругой профессора Шомартена, преподавателя технической школы в парижском пригороде Сен-Дени. Шомартен был фанатичным приверженцем анархизма и при каждом удобном случае публично распространялся об эпохе социальной справедливости, которая наступит после ликвидации всех правительств. Его считали неопасным, поскольку было совершенно очевидно, что он не умеет обращаться с бомбой. Но тут его жена проговорила, что именно Шомартен запланировал покушение, дабы отомстить председателю суда Бенуа за то, что тот вынес суровые приговоры его товарищам. Исполнителем, по ее

словом, был некий Леон Леже.

В тот же день Шомартена арестовали. Он во всем признался, но основную вину стал сваливать на Леже. Последний, по словам Шомартена, был послан в столицу для того, чтобы отомстить судьям, враждебно относившимся к анархистам. Леже ненавидит всех богачей, и вообще это человек, способный на все. Он скрывается от полиции, которая давно его разыскивает. К тому же Леже – это псевдоним, настоящая его фамилия Равашоль. Он-то и украл динамит в Суари-суз-Этуаль. Бомба для взрыва, произведенного на бульваре Сен-Жермен, сделана на Кэ-де-ля-Марин, заявил в заключение Шомартен, и там же проживает Равашоль.

Когда сотрудники Сюртэ прибыли на Кэ-де-ля-Марин, то нашли убежище того, кто звался Равашолем, пустым. В нем остался лишь материал для изготовления бомб. Шомартена допросили вторично, и выяснилось, что о новом месте пребывания Равашоля ему ничего неизвестно. Тем не менее он описал внешность покушавшегося, правда, туманно и неточно: худощавый, рост – примерно 1,6 м, желтоватый цвет лица, темная борода. Несколько часов спустя имя Равашоля появилось на страницах всех парижских газет. Сотни полицейских отправились на поиски таинственного незнакомца. Дороги на выезде из Парижа были перекрыты, проверялись все поезда, все мужчины с желтоватым цветом лица и темной бородой задерживались. Были арестованы известные анархисты. Консьержам домов было приказано сообщать о каждом

человеке, внешность которого соответствовала бы словесному портрету Равашоля. Однако эти меры оказались безрезультатными.

«Франция в руках беспомощных людей, – писала газета “Ле Голуа”, – которые не знают, что предпринять против внутренних варваров...»

Префект полиции (теперь этот пост занимал Анри Лозе) призвал на помощь Бертильона. Опрос полицейских участков за пределами Парижа показал, что в Сент-Этьене и Монбризоне был известен один человек, проживавший там под именем Равашоль, хотя в действительности его звали Франсуа Кенигштейн, он родился 14 октября 1849 г. в Сен-Шамоне, был сыном голландского рабочего с металлургического завода в Изье, обучался профессии красильщика. Дома все боялись его жестокости; свою мать он часто избивал и угрожал ей убийством. В 1886 г. он оставил работу и занялся контрабандой и воровством. Уже около года он разыскивается полицией за совершение нескольких тяжких преступлений. В ночь на 15 мая 1891 г. был взломан склеп баронессы Рош-Тайе на кладбище под Сент-Этьеном. Грабитель открыл саркофаг, похитил нательный крест и медальон и пытался содрать кольца с пальцев умершей. Имелось достаточно указаний на то, что это преступление – дело рук Равашоля. 19 июня того же года был найден задушенным старик-отшельник, одиноко проживавший в своей лачуге в Форезских горах. 35 тыс. франков, накопленных стариком за всю его

жизнь, оказались похищенными. Кенигштейн-Равашоль, подозреваемый в совершении этого преступления, был арестован, но вырвался из рук полицейских, и ему удалось скрыться.

Примерно через шесть недель, вечером 27 июля 1891 г., ударами молотка были убиты две владелицы скобяной лавки на Рю-де-Роанн в Сент-Этьене. Убийца поживился лишь 48 франками. Это преступление также приписывали Кенигштейну-Равашолю, которого, однако, так и не смогли схватить.

Все это было и интересно, и, наверно, важно, но решающим было совсем другое. В 1889 г., когда в Сент-Этьене ввели бертильонаж, туда по подозрению в соучастии в краже был доставлен Кенигштейн, которого обмерили, зарегистрировав соответствующие показатели. Уже 24 марта 1892 г. Бертильон держал в руках полученную из Сент-Этьена карточку с данными ¹: Клод Франсуа Кенигштейн по прозвищу Равашоль; рост – 1,663, размах рук – 1,780; объем груди – 0,877; длина головы – 0,186; ширина головы – 0,162; длина левой стопы – 0,279; длина среднего пальца левой руки – 0,122; длина левого уха – 0,098; окраска левой роговицы – желтовато-зеленая; шрам около большого пальца левой руки.

Описательная часть карточки была не настолько полной, как это требовалось Бертильону, что и вызвало его силь-

---

¹ Все измерения выполнялись в метрах. – *Примеч. пер.*

ный гнев. Тем не менее у него в руках было единственное для того времени точное описание Равашоля. Если Кенигштейн-Равашоль и Равашоль Шомартена окажутся одним и тем же лицом, то, значит, полиция сделала огромный скачок вперед в розыске преступника. Если удастся его арестовать, то его идентификация будет для Бертильона пустячным делом. Если Кенигштейн-убийца и Равашоль, подложивший бомбу, одно и то же лицо, тогда, безусловно, будет нанесен серьезный удар по всему движению анархистов. Анархисты – так можно будет заявить общественности, – проповедующие столь высокие идеалы преобразования человеческого общества, для достижения своих целей используют профессиональных убийц.

Как только 26 марта в газетах появились приметы Равашоля, замешательство и нервозность в обществе снова усилились. В газете «Фигаро» Альбер Мильо писал: «Равашоль? А кто знает этого Равашоля? Кто знает, как он выглядит? Это реальное существо или миф? Человек ли он? Все найдено, даже динамит. Но никто не знает, где найти Равашоля».

Похоже было, что Равашоль и вправду становился мифом. В нем видят то идеалиста, то одного из основателей анархистской группы «Куртиль», то борца за свободу...

Но вот в воскресенье, 27 марта, в девятом часу утра опять взорвалась бомба. На этот раз в доме № 39 на Рю-де-Клиши. Взрывной волной жителей дома выбросило из постелей, и через раскрытые окна люди зывали о помощи, так как

лестничная клетка была разрушена. Пять человек оказались тяжело раненными. В этом доме жил генеральный прокурор Бюло, выступавший обвинителем на процессе анархистов. Следовательно, нет никаких сомнений: взрыв – дело их рук. А если и были какие-либо сомнения, то их быстро рассеяла статья мнившего себя социалистом редактора газеты «Ле Голуа» Жарзюэля, который сообщил, что получил в воскресенье письменное приглашение встретиться с каким-то незнакомцем на площади Бастилии. Этот незнакомец, во фраке и цилиндре, представился Жарзюэлю как Равашоль и предложил дать редактору интервью при одном условии: тот поклянется, что не будет публиковать точного описания его внешности. Для Жарзюэля сенсационность своей публикации была значительно дороже, нежели требование оказания помощи полиции. Поэтому он привел только следующие слова Равашоля: «Нас не любят. Но следует иметь в виду, что мы, в сущности, ничего, кроме счастья, человечеству не желаем. Путь революции кровав. Я вам точно скажу, чего я хочу. Прежде всего – терроризовать судей. Когда больше не будет тех, кто нас сможет судить, тогда мы начнем нападать на финансистов и политиков. У нас достаточно динамита, чтобы взорвать каждый дом, в котором проживает судья...»

Новая волна возмущения прокатилась по Парижу. Толпами валили люди по Рю-де-Клиши к месту последнего взрыва. Премьер-министр Эмиль Лубе часами совещался с военным министром и префектом полиции. Все известные зару-

бежные анархисты были высланы из страны. В Риме, Лондоне, Берлине и Петербурге – повсюду говорили о Равашоле. Анархистские газеты славили его как героя, как «непобедимого».

Два дня спустя, в среду, 30 марта, владелец ресторана «Вери» на бульваре Мажанта сообщил полиции, что у него затракает мужчина примерно тридцати лет, со шрамом около большого пальца левой руки. Незнакомец еще в понедельник разговаривал с официантом Леро и провозглашал анархистские лозунги. Комиссар полиции Дреш с четырьмя сержантами прибыл к ресторану как раз в тот момент, когда незнакомец собирался его покинуть. Анархист тут же выхватил револьвер, но, несмотря на отчаянное сопротивление, был обезоружен и схвачен. По дороге в полицейский участок он несколько раз пытался бежать и катался по мостовой в ожесточенной борьбе с сержантами. Пока задержанного везли в Сюртэ, он непрерывно кричал на всю улицу: «Братья, за мной! Да здравствует анархия, да здравствует динамит!»

К Бертильону его привели страшно окровавленного. Он так бушевал и неистово сопротивлялся, что не было никакой возможности обмерить его и сфотографировать. Только к пятнице задержанный успокоился. Теперь тон его изменился, он принял заносчивую позу героя. Только лично Бертильону он позволил обмерить и сфотографировать себя. Полученные данные оказались такими: рост – 1,663; размах рук – 1,780; объем груди – 0,877; длина головы – 0,186; ши-

рина головы – 0,162; длина левой стопы – 0,279; длина среднего пальца левой руки – 0,122; длина левого уха – 0,098. Итак, Равашоль – «революционный идеалист» оказался Клодом Франсуа Кенигштейном и, по всей вероятности, грабителем и убийцей из Сент-Этьена. На следующее же утро сообщение об этом было помещено в печати. Некоторые левые газеты реагировали с возмущением и иронией; неужели полиция серьезно хочет убедить общественность, что Равашоль – это низкий преступник, убивавший и грабивший корысти ради?! И она серьезно надеется доказать, что задержан настоящий Равашоль? Всеобщее смятение и жуткий страх вновь овладели людьми – если задержан не настоящий Равашоль, то, значит, тот, истинный, на свободе!

Процесс над Равашолем был назначен судом присяжных на 27 апреля, и вдруг за два дня до этого взорвалась очередная бомба. Страшный грохот потряс ресторан «Вери», у входа в который был арестован Равашоль. Стены обрушились, вылетели окна. Под развалинами были найдены два трупа: хозяина ресторана и одного из посетителей.

Но сделанные Бертильоном измерения не лгали.

Равашоль, представ перед судом как виновник взрывов на бульваре Сен-Жермен и на Рю-де-Клиши, отрицал свою причастность к убийству в Сент-Этьене. Судьи же, парализованные, как видно, страхом от угроз, сыпавшихся в адрес парижской юстиции, не решались сказать ни одного резкого слова.

Но вот 20 июня Равашоль, обвиняемый в убийстве и ограблении в районе Сент-Этьена, предстал перед судом присяжных департамента Луара в Монбризоне. Председатель суда Дарриган прибыл из Лиона. Он чувствовал себя свободным от неуверенности и страха, сковавших парижских судей. Как только Равашоль понял, что игра в запугивание окончена, он сбросил маску. Громко, высокомерно и цинично он заявил, что одна из его фамилий действительно Кенигштейн, а ограбление могилы баронессы Рош-Тайе и убийство отшельника Жака Брюнеля – дело его рук. Это было признание человека распущенного, для которого слова анархистов об уничтожении власть имущих служили прикрытием его собственных устремлений убийцы.

Когда Равашоля, приговоренного к смерти, вели ранним утром 10 июля по улицам Парижа к месту казни, он надрывно распевал: «Хочешь счастливым быть – вешай своих господ и кромсай попов на кусочки». Его последними словами на эшафоте были: «Вы свиньи, да здравствует революция!»

К сообщению о разоблачении Равашоля, весть о котором облетела все европейские страны, присовокупилось известие и об истории проведенной Бертильоном идентификации, способствующей этому разоблачению. Во всех столицах мира обратили внимание на бертильонаж. Казалось, не было больше никаких препятствий его победоносному шествию по всему миру.

На лондонской Международной выставке 1884 г. было много диковинок – больших и мелких, незабываемых и совсем не остающихся в памяти, забавных и занимательных. К последним надо отнести павильон, где каждый посетитель за три пенса мог измерить и оценить некоторые свои физические и духовные возможности.

Уплатив билету за вход, посетитель оказывался в длинном помещении, в конце которого стоял стол с различными инструментами и аппаратами. Тут же находился молодой человек, преисполненный готовности подвергнуть желающих тесту. Он мог измерить размах рук, рост, длину верхней части туловища, вес человека. Замерял он также силу мышц рук, быстроту реакции, объем легких, проверял зрение, умение различать цвета, слух. В другом конце павильона при выходе посетителю выдавали карточку с полученными данными. Павильон пользовался огромной популярностью.

Иногда в этом павильоне можно было встретить респектабельного господина лет шестидесяти, выделявшегося голым черепом, окаймленным узким венчиком волос. Это был сэр Фрэнсис Гальтон – один из тех ученых-дилетантов (какое нехорошее слово!) XIX в., которые так много сделали для прогресса естественных наук.

Фрэнсис Гальтон, сын состоятельного фабриканта, родил-

ся в 1822 г. в Бирмингеме. Вначале он изучал медицину, но так и не приобщился к врачебной практике, а целиком посвятил себя научным интересам и путешествиям. Обладая полной материальной независимостью, он объездил множество стран. В 1840 г. побывал в Гисене (Германия) для того, чтобы познакомиться с известным немецким химиком Юстусом Либихом. Затем посетил Будапешт, Белград, Константинополь, Афины, Венецию, Милан и Женеву. Все эти путешествия на лошадях и в экипажах были крайне изнурительными. Результатом их явилось физическое и психическое переутомление, впрочем, часто повторявшееся на протяжении всей его жизни, что не помешало Гальтону дожить до девяностолетнего возраста.

Воодушевленный работой своего кузена Чарлза Дарвина «О происхождении видов», в которой много внимания уделялось проблеме наследственности, Гальтон в 60-х гг. XIX века заинтересовался вопросами передачи по наследству физических и духовных свойств и способностей. Для решения этой задачи ему нужны были статистические данные. Годами собирал он материал. С этой целью и был создан описанный выше павильон на международной выставке. Все копии данных, полученных в результате измерений посетителей выставки, отправлялись в архив Гальтона. Когда в 1885 г. выставка закрылась, Гальтон пришел в такой восторг от обилия полезного статистического материала, что не успокоился до тех пор, пока ему не удалось открыть при

известном лондонском Саут-Кенсингтонском музее стационарную измерительную лабораторию. Одно время даже считалось хорошим тоном подвергнуться измерениям Гальтона, которые производил его ассистент сержант Рэндл. Гальтон вскоре прославился как самый выдающийся из английских специалистов в области антропометрии.

Так обстояли дела, когда весной 1888 г. весть о назначении Альфонса Бертильона шефом полицейской службы идентификации Парижа достигла Лондона. Научное «Королевское общество» заинтересовалось бертильонажем и попросило Фрэнсиса Гальтона выступить по данному вопросу на одной из его знаменитых «пятниц». Никто в то время не представлял себе, каковы будут последствия этого приглашения.

Гальтон принял приглашение и тут же отправился в Париж, дабы подробно узнать обо всем от самого Бертильона. Впоследствии он так рассказывал о своем визите: «Я встретился с месье Бертильоном во время моего кратковременного визита в Париж и имел возможность ознакомиться с его системой. Ничто не может превзойти ту тщательность, с которой его ассистенты производят обмер преступников. Их действия точны и быстры. Все прекрасно организовано...»

Но Гальтон не ограничился только сообщением об открытии Бертильона. Столкнувшись однажды с проблемой идентификации, он решил основательно заняться этой темой.

Тем временем статьи, написанные доктором Фолдсом

и Уильямом Хершелом и опубликованные ровно восемь лет назад в журнале «Нейчер», были основательно забыты. Фолдс, ставший между тем полицейским врачом в Лондоне, все еще предпринимал тщетные попытки заинтересовать Скотленд-Ярд и британского министра внутренних дел своей идеей об отпечатках пальцев, а пока что частным образом, ворча и возмущаясь, продолжал свои опыты.

В каком-то уголке феноменальной памяти Фрэнсиса Гальтона сохранилось воспоминание об открытии, описанном в «Нейчер». Гальтон отправил в редакцию письмо с просьбой представить ему более подробные сведения по данному вопросу. Журнал немедленно откликнулся на его просьбу, но опять-таки по какой-то случайности редакция переслала Гальтону статью не Фолдса, а именно Уильяма Хершела, который, несколько поправив здоровье, проживал все там же, в Литлморе, и тоже в частном порядке занимался проблемой отпечатков пальцев. Узнав, что им заинтересовался сам Гальтон, Хершел понадеялся, что этот интерес даст новую жизнь его изобретению и оно получит практическое применение. Без малейших колебаний он переслал Гальтону весь свой материал. Вскоре он и сам посетил Гальтона, чтобы лично продемонстрировать ему способ получения отпечатков пальцев.

И тут произошло то, что обычно случается лишь при наличии такого исключительного ума, каким обладал Гальтон. Он десятилетиями занимался антропологией и антропо-

метрией, и ему, казалось бы, было предначертано стать при-
верженцем Бертильона. Но, ознакомившись с присланными
Хершелом материалами, он сразу понял, что в руки к нему
попало нечто более значимое, чем бертильонаж. Разумеет-
ся, система Бертильона – большой шаг вперед. Но если бы
удалось осуществить идеи Хершела, то новый метод сдела-
ет возможным еще больший прогресс. Открывающиеся при
этом перспективы поистине необозримы.

Во время подготовки к докладу, прочитанному Гальтоном
25 мая 1888 г., у него не хватало времени для того, чтобы
вплотную заняться новым феноменом. Но он не упустил воз-
можности упомянуть в своем выступлении, что, кроме бер-
тильонажа, по всей вероятности, существует еще один спо-
соб идентификации – отпечатки пальцев, – на который пока
не обратили надлежащего внимания.

Сразу же после доклада Гальтон погрузился в работу. В
первую очередь его интересовал вопрос, действительно ли
отпечатки пальцев остаются неизменными на протяжении
всей жизни человека. Коллекция собранных Хершелом от-
печатков, представлявшая собою материал тридцатилетне-
го наблюдения, выглядела достаточно доказательной. Тем не
менее Гальтон дал распоряжение отбирать отпечатки паль-
цев у всех посетителей Саут-Кенсингтонского музея. Он
чувствовал, что напал на след нового «чуда рода челове-
ческого». И хотя сержант Рэндл все еще продолжал измерять
рост, остроту зрения и физическую силу посетителей музея,

Гальтона уже интересовала только тема папиллярных линий. С каждого отпечатка пальцев он велел делать увеличенные фотоснимки, чтобы их легче было сравнивать. Через три года в коллекции Гальтона было гораздо больше отпечатков, чем в коллекции Хершела. Ни разу за это время отпечатки пальцев одного человека не совпадали с отпечатками пальцев другого. Как установил Гальтон, по математической теории вероятности шанс совпадения отпечатка какого-либо отдельного пальца одного человека с отпечатком пальца другого человека выражается отношением 1:4. Если же у одного лица отобрать отпечатки всех десяти пальцев – вероятность совпадения будет равняться 1:64 000 000 000. Приняв во внимание общую численность населения земного шара, можно считать, что совпадение отпечатков пальцев двух человек практически невозможно.

Гальтона занимал еще один вопрос, который ни Хершелу, ни Фолдсу не пришел в голову. Если отпечаткам пальцев как средству идентификации предстоит соперничать с бертильонажем, то следует все множество вариантов папиллярных линий привести в единую систему, а затем каталогизировать их, как это делал Бертильон с данными измерений. Гальтон вместе со своим сотрудником Коллинзом принялся за работу. Изучая труды историков, он с изумлением обнаружил, что еще задолго до него многие ученые занимались такого рода классификацией. Так, например, в 1823 г. Ян Пуркинье, чешский профессор патофизиологии в Праге,

в своей книге «К вопросу о физиологии кожного покрова человека» предпринял попытку навести порядок во множестве отпечатков, полученных им в результате исследований. Ему попадалось большое количество основных типов пальцевых узоров, которые, по его мнению, постоянно повторяются: спирали, эллипсы, круги, двойные завихрения, кривые полосы.

Гальтон попытался воспользоваться методом Пуркинье. Из тысячи отпечатков он отобрал девять увеличенных фотографий и стал их сравнивать между собой. Дальше этого ему продвинуться не удалось. Опыт Пуркинье не оказался образцом, достойным подражания. Затем Гальтон решил, что существует шестьдесят различных основных типов отпечатков. В полном изнеможении он на несколько дней прекратил всякую работу. Когда же он вновь приступил к изучению отпечатков, то, к своему удивлению, обнаружил, что принимал одинаковые отпечатки за различные только потому, что при взятии отдельных отпечатков краска распределилась неравномерно. Нет, так дальше дело не пойдет, решил он. Он не должен брать за основу общее впечатление от папиллярных линий.

Наконец после бесконечных опытов Гальтон убедился, что существуют четыре основные группы узоров, из которых образуются производные. Он постоянно наталкивался на треугольники, из которых тянулись остальные папиллярные линии. Это были треугольники, или дельты (название

он взял от похожей на треугольник прописной буквы в греческом алфавите), находившиеся либо на левой стороне отпечатка, либо на правой. Иные пальцевые узоры имели два треугольника, некоторые – даже больше. Были отпечатки, на которых треугольников не было вовсе.

Итак, существуют четыре основных типа узоров: без треугольника, с треугольником слева, с треугольником справа и с несколькими треугольниками. Возможно, именно эти четыре типа можно положить в основу классификации? Конечно, если взять у каждого человека один-единственный отпечаток пальца, то можно отнести его к одному из четырех классов, то есть поместить карточку с отпечатком в специальный картотечный ящик. Но ведь тогда за короткое время каждый ящик окажется переполненным. А если брать у каждого человека по два отпечатка на одну карточку, то, так как $4^2 = 16$, мы будем обладать 16 возможными комбинациями. Но если брать отпечатки всех десяти пальцев на одну карточку, получится уже 1 048 570 возможных комбинаций и, соответственно, классов отличия.

Гальтон торжествовал. Не решена ли таким путем проблема классификации отпечатков пальцев? Не следует ли немедленно предать это гласности? В 1891 г. Гальтон помещает статью в журнале «Нейчер». В ней он говорит и о том, сколь многим он обязан Уильяму Хершелу. Статья не привлекла к себе особого внимания, если не считать того, что после ее выхода в свет вновь объявился Фолдс и заявил, что

именно он, а не Хершел является первооткрывателем значения отпечатков пальцев для целей полицейской идентификации. Но Гальтон не придал значения заявлению Фолдса, как, впрочем, и отсутствию интереса к статье со стороны остальных читателей. Борьба за приоритет открытия не входила в сферу его интересов. Его мысли были целиком поглощены сутью предмета. Он работал над книгой, в которой рассматривал вопрос об использовании отпечатков пальцев как способа идентификации. В 1892 г. книга была закончена и в том же году увидела свет. Называлась она «Отпечатки пальцев».

То, что судьба отвела Гальтону определяющую роль в истории криминалистики, было проявлением абсолютной необходимости.

В те дни, когда появилась книга Гальтона, на берегу Темзы уже возвышались два новых больших комплекса зданий с остроконечными фронтонами и крепостными башнями по углам. В них разместился новый Скотленд-Ярд – главная резиденция лондонской полиции.

Если история Сюртэ к этому времени насчитывала восемьдесят лет, то Скотленд-Ярд не мог похвастаться столь почтенным возрастом.

В 1829 г. два первых лондонских полицейских комиссара, Мэйн и Рауэн, заняли под свое бюро помещение в старом здании, примыкавшем некогда к Уайтхоллскому дворцу. Позже лондонская полиция заняла еще один комплекс зданий, в котором ранее останавливались члены шотландской королевской семьи при посещении лондонского двора. Отсюда и произошло название «Скотленд-Ярд» («Шотландский двор»), ставшее впоследствии наименованием английской уголовной полиции.

То, что английская полиция была моложе французской, объяснялось вескими причинами. Многие зарубежные наблюдатели считали и считают чрезмерно преувеличенными представления англичан о значении гражданских свобод. Именно эти представления способствовали тому, что английская общественность в любом виде полицейского надзо-

ра усматривала угрозу гражданским свободам. Длилось это до тех пор, пока Лондон в 30-х гг. XIX века буквально не поглотила трясина преступлений, насилия и беззаконий. Из-за своеобразного понимания свободы жителями Англии страна столетиями не имела ни публичных обвинителей, ни настоящей полиции, а поддержание порядка и охрана имущества считались делом самих граждан. Возможно, такая точка зрения и оправдывала себя, но только до тех пор, пока граждане были в состоянии не только бесплатно осуществлять полномочия мировых судей, но и для их поддержки нести полицейскую службу. Со временем никто не хотел больше заниматься этим делом. Граждане стали нанимать кого-нибудь вместо себя за плату. Подбирая тех, кто подешевле: инвалидов, полуслепых, бродяг и даже воров. Многочисленные мировые судьи использовали свои посты часто лишь для наживы – брали взятки, занимались укрывательством преступников. Англия не имела своего Видока. Вместо подобных ему в результате столкновения с преступностью рождались отвратительные типы профессиональных доносчиков и «ловцов воров» – самозванных детективов, занимавшихся этим ради наживы, из мести или из жажды приключений. После поимки вора и его осуждения они получали от государства или общины часть суммы налагаемого на преступника штрафа, а в случае поимки убийцы или грабителя им выдавалась премия.

Так что каждый мог приобрести «профессию» доноси-

ка, мог поймать преступника и предстать с ним в качестве обвиняемого перед мировым судьей. Если за этим следовало осуждение, доносчик получал свое вознаграждение, но, с другой стороны, подчас ему грозила месть приятелей осужденного.

Каждый мог стать «ловцом воров» и привести в суд уличного грабителя, взломщика, убийцу. К преступнику применялись жестокие санкции (за совершение любого из двухсот, по преимуществу мелких, преступлений грозила смертная казнь). Тюремь служили лишь пересыльным пунктом по пути на виселицу или в ссылку в колонии.

Сорок фунтов, одежду, оружие и имущество преступника получал «ловец воров» от государства или общины за поимку уличного грабителя. Такие деньги «за кровь» были большим соблазном для всех «детективов», однако жажда денег вела их потом к коррупции. «Ловцы воров» провоцировали молодых людей на совершение преступления, а затем тащили их в суд, дабы получить свои денежки. Они открыто предлагали услуги по возвращении украденного за цену, равную его стоимости. Разумеется, при этом «ловцам воров» приходилось делиться вознаграждением с вором, если только не они сами совершали кражу, что тоже случалось довольно часто. Самым знаменитым представителем таких «детективов» был некий Джонатан Уайлд. Жулик, уличный грабитель, организатор подпольного преступного мира Лондона, несомненный предшественник более поздних гангстерских

боссов Северной Америки, Уайлд нарек себя «генеральным тайным сыщиком Великобритании и Ирландии». Он носил трость с золотой короной вместо набалдашника, имел в Лондоне сыскную контору и огромную виллу с большим количеством прислуги. Сотни уличных грабителей отдал Уайлд под суд и отправил на виселицу, но среди них были только те, которые не желали ему подчиниться. В 1725 г. он кончил, как все грабители: его повесили.

Лишь двадцать пять лет спустя один лондонский мировой судья со всей искренностью и серьезностью восстал против ширящихся беззаконий. Это был писатель Генри Филдинг. Из-под его пера вышел злой памфлет на Джонатана Уайлда.

Будучи тяжело больным, Филдинг тем не менее обладал огромной силой воли. Как мировой судья Вестминстера, он беспомощно взирал на захлестнувшую Лондон волну преступности. У него хватило решимости и аргументов доказать министру внутренних дел, что Лондон – единственный на земле город, обходящийся без полиции, – может стать позором нации, позором цивилизованного мира.

В результате Филдингу выделили средства из фонда секретной службы для оплаты дюжины сотрудников. Требование выдать им униформу привело всех участников этой истории в состояние шока. Сотрудникам выделили только красные жилеты, под которыми они носили пистолеты. Помещение суда Филдинга находилось на Боу-стрит, и его сотрудников начали называть боу-стрит-раннерами (сыщика-

ми с Боу-стрит), – так неожиданно они стали, надо полагать, самыми первыми детективами в мире. Филдинг платил им по одной гинее в неделю. Но и каждый гражданин, нуждавшийся в защите и пожелавший узнать обстоятельства преступления, мог нанять раннера за одну гинею в день, и уже через четверть часа тот был готов приступить к порученной работе.

Методы раннеров немногим отличались от методов Видока. Переодевшись, они посещали притоны, оплачивали услуги филеров, запоминали лица преступников, умели терпеливо выслеживать, отличались напористостью и мужеством. У них были неплохие достижения, а некоторые из них даже прославились. Самым знаменитым был Питер Таунсенд, служивший одно время телохранителем короля Георга IV. В анналы истории криминалистики вошли также имена Джозефа Эткина, Виккери, Ратвена, Сэйера. Но анналы умалчивают о том, каким образом боу-стрит-раннеры нажили большие состояния (Таунсенд оставил после себя 20 тыс., Сэйер – 30 тыс. фунтов стерлингов). Между тем то, что они не чуждались практики Джонатана Уайлда, было секретом Полишинеля. Ограбленные банкиры отказывались от уголовного преследования грабителей, гораздо вернее было, хорошо заплатив боу-стрит-раннерам и грабителям, получить украденное обратно. Правда, при этом к пострадавшему возвращалась только часть похищенного, но это было лучше, нежели увидеть через какое-то время вора перед судом, но нико-

гда не увидеть украденного им. Раннеры брали деньги «за кровь», где только могли их получить. А некоторые из них без зазрения совести могли отдать под суд невиновного.

Тем не менее во времена, когда никто не был уверен в безопасности своей жизни и имущества, раннеры-взяточники были лучше, чем ничего. И Генри Филдинг даже с такими полицейскими достиг удивительных для своего времени успехов. Это произошло не только потому, что он, как впоследствии и Видок, стал вести реестр известных ему преступников. Он преуспел и потому, что в процессе розыска грабителей, убийц и воров вступал в переписку с другими мировыми судьями по всей Англии, публиковал разыскные листы в газетах.

Когда в 1754 г. Генри Филдинг умер, его место занял его сводный брат Джон. Он был слепым. История, а может быть, легенда повествует, что к концу своей жизни (он умер в 1780 г.) Джон Филдинг различал три тысячи преступников по голосам. Он создал вооруженные пешие боу-стрит-патрули и конные отряды для патрулирования проезжих дорог. Правда, конные патрули просуществовали недолго (у Филдинга не хватало денег на их содержание). Но боу-стрит-раннеры на протяжении девяноста лет были единственными детективами, которыми располагал Лондон. Однако их число никогда не превышало пятнадцать человек, и это в конце концов обрекло их на бессилие. К 1828 г. в Лондоне существовали целые районы, где даже середь бела дня соверша-

лись ограбления. На каждых 822 жителей столицы приходился один преступник. Около тридцати тысяч человек жили исключительно за счет ограблений и краж.

Ситуация стала настолько серьезной, что министр внутренних дел Роберт Пиль решил, наконец, вопреки враждебному отношению общественности к полиции, создать настоящую полицейскую службу. Он выдержал настоящий бой в нижней палате парламента, и 7 декабря 1829 г. тысяча полицейских в голубых фраках, серых холщовых брюках и черных цилиндрах продефилировала через весь город к своим новым полицейским участкам. Цилиндры должны были показать лондонцам, что не солдаты взяли на себя охрану их безопасности, а гражданские лица. Несмотря на цилиндры, к ним на долгие десятилетия пристали презрительные клички, такие, как «пилеры», «коперы» («хвататели») или «бобби» (уменьшительное от имени Роберт).

Понадобилось несколько особо жестоких убийств для того, чтобы министр внутренних дел в 1842 г. решился, наконец, предпринять следующий шаг. Двенадцать полицейских сняли свою униформу и, облачившись в гражданскую одежду, стали детективами. Они разместились в трех маленьких комнатах Скотленд-Ярда. Имена некоторых из этих детективов вошли в историю, в частности Филд, Смит, Джонатан Уичер. Писатель Чарлз Диккенс увековечил их деятельность, написав в 1850 г. первый серьезный английский детективный роман «Холодный дом». Прообразом героя романа – детекти-

ва Скотленд-Ярда Баккета – послужил настоящий детектив, инспектор Филд. В английской литературе впервые случилось, чтобы герой романа представлялся таким образом: «Я – Баккет, из детективов. Я – агент секретной полиции». Слово «детектив» стало термином, обозначающим криминалиста, и привилось во всем мире.

Но в практике работы первых детективов перемен вначале было немного. Жалованье новых детективов было больше, чем у боу-стрит-раннеров, а следовательно, соблазн коррупции меньше. Но любой житель Лондона все еще мог нанять детектива в частном порядке по своему делу. Такая возможность была необходимой уступкой английской общественности, начавшей вновь возмущаться. Разве из Франции не доходили устрашающие слухи? Разве их уголовная полиция не является по существу институтом шпионажа за гражданами? Подобные подозрения только усугубляли и без того сложную борьбу детективов с преступностью. Все это порождало ограничения, которых не знали во Франции и которые были на руку лишь преступникам. Детективы не могли никого задержать, не имея в наличии веских доказательств. Им запрещалось склонять подозреваемого к даче показаний. Всех подозреваемых они обязаны были предупреждать, что всякое их показание может быть использовано против них самих. Неудивительно поэтому, что деятельность английских детективов была менее эффективной, чем деятельность их французских коллег.

Инспектор Джонатан Уичер стал жертвой этого враждебного отношения общественности к полиции, когда 15 июля 1860 г. он прибыл в Траубридж в графстве Сомерсетшир для расследования происшедшего там убийства. За две недели до этого, 29 июня, в загородном доме «Роуд-хилл-хаус» был найден убитым трехлетний ребенок – младший сын управляющего фабрикой Самюэла Сэвила Кента, проживавшего там со своей второй женой, тремя детьми от первого брака и тремя – от второго. Убитый ребенок был сыном от второго брака. Сэвил, так звали малыша, был любимцем родителей. Он исчез из своей кровати ночью. Его нашли в уборной в саду с перерезанным горлом. Местная полиция под руководством столь же тщеславного, сколь и ограниченного суперинтенданта Фаули оказалась совершенно беспомощной. Фаули делал такое, что спустя всего несколько десятилетий показалось бы любому криминалисту недопустимым, более того – преступным нарушением закона. Он нашел в белье корзинке окровавленную то ли детскую, то ли дамскую ночную рубашку, но даже не подумал обеспечить ее сохранность, и она исчезла. Кровавый отпечаток руки с оконного стекла он стер, «дабы не пугать членов семьи». Для того чтобы сделать хоть что-то существенное, он арестовал няню, Элизабет Гоу. Элизабет вскоре была освобождена, так как отсутствие каких-либо мотивов совершения ею этого убийства было очевидным.

Когда Уичер прибыл в Траубридж, Фаули встретил его

враждебно. Он ничего не сказал инспектору ни о ночной рубашке, ни о следе окровавленной руки на оконном стекле. Способы и методы деятельности Уичера были типичными для первых английских детективов. У него не было ни малейшего представления о каких-либо научных методах расследования; они войдут в практику лишь в будущем. Подмогой Уичеру служили три компонента: умение наблюдать, знание человеческой природы и способность к выработке версий. Через четыре дня Уичер пришел к выводу, что только одного человека можно считать потенциальным убийцей, а именно шестнадцатилетнюю Констанцию, дочь Самюэла Кента от первого брака. Констанция ненавидела мачеху и считала, что ею самой пренебрегают и плохо к ней относятся. Уичер посчитал вполне возможным, что она убила своего единокровного брата – этого любимчика отца и ненавистной мачехи, желая тем самым досадить его родителям. К тому же, рассуждал Уичер, ночное убийство, вне всякого сомнения, не могло не оставить следов на ночной одежде девушки. Как только выяснилось, что из трех ее ночных рубашек одна бесследно исчезла, он потребовал ареста Констанции. Ответом была буря негодования со стороны местных жителей. Через несколько дней девушку пришлось освободить. Какая дерзость отважиться обвинить ребенка в убийстве своего беспомощного брата! Только развращенный ум мог придумать такое! Уичер стал объектом жестокой травли. Чтобы оградить от нападок общественности полицию в целом, Ричард Мэйн,

один из комиссаров лондонской полиции, уволил Уичера.

Четыре года спустя, в 1864 г., Констанция Кент созналась в убийстве своего сводного брата. Она действительно сделала это для того, чтобы причинить боль мачехе и отцу. И в том же, 1864 г. английская общественность с готовностью (о, коварное непостоянство человеческой натуры!) восславila одного из первых детективов, но не беднягу Уичера, а Дика Тэннера, за удачное раскрытие первого в Великобритании убийства, совершенного на железной дороге.

9 июля 1864 г. в купе вагона Северо-Лондонской железной дороги был убит семидесятилетний банковский служащий Бригс. Неизвестный убийца забрал у своей жертвы золотые часы с цепочкой, очки в золотой оправе и – что выглядело очень странно – шляпу. Свою же он оставил в купе. За поимку преступника была назначена высокая награда, пресса публиковала сенсационные сообщения о ходе расследования. Через одиннадцать дней Тэннер нашел ювелира, у которого убийца обменял похищенные золотые часы с цепочкой на другие. Футляр, в котором находились обменные часы, навел на след одного портного, немца, проживающего в Лондоне, по имени Франц Мюллер. Он подарил этот футляр ребенку своих друзей. Шляпа, оставленная преступником в купе, оказалась принадлежащей Мюллеру. Из его письма хозяйке квартиры было ясно, что он находится в данное время на борту парусника «Виктория», на пути в Северную Америку.

20 июля Дик Тэннер с ордером на арест в кармане, вместе с несколькими свидетелями отправился в путь на борту быстроходного парохода «Сити оф Манчестер». Пароход прибыл в Нью-Йорк на четырнадцать дней раньше «Виктории». Когда, наконец, «Виктория» прибыла в порт, толпа любопытных подплывала к ней на лодках и кричала: «Как поживаешь, убийца Мюллер?..»

16 сентября Тэннер вместе с арестованным вернулся в Англию. Два месяца спустя Мюллера повесили. В последнем слове перед казнью он признался в своем преступлении.

Но даже такой громкий успех не принес существенных дивидендов лондонской уголовной полиции. Заняв в 1869 г. пост начальника полиции, Эдмунд Гендерсон признал: «Огромные трудности стоят на пути развития уголовного розыска. Большинство англичан относятся к нему с недоверием. Он чужд привычкам и чувствам нации. Детективам приходится работать тайком». Но именно Гендерсон сумел увеличить штат сыскного отдела Скотленд-Ярда на 24 человека и поручил руководство им одному из бывших помощников Джонатана Уичера суперинтенданту Уильямсону.

Уильямсон, по прозвищу Философ, предпринял первые попытки упорядочить деятельность детективов, работавших без всякой системы. Еще за 50 лет до этого практически прекратилась высылка преступников в колонии. Отбыв свой срок в британских тюрьмах, они выходили на свободу и, оказавшись вне всякого контроля, принимались за свое преж-

нее ремесло. Только в 1871 г. парламент законодательным путем провел решение о регистрации всех рецидивистов с обязательным фотографированием и подробным их описанием. Но как только ведение этого реестра передали из Скотленд-Ярда в министерство внутренних дел, он, попав в жернова бюрократии, потерял всякую практическую ценность. Уильямсон возобновил регистрацию рецидивистов в Скотленд-Ярде. Но едва восемь лет спустя он стал пожинать первые плоды своих усилий, как Скотленд-Ярд (как для краткости стали называть сыскной отдел) поразил тяжелый удар. Выяснилось, что три старейших, наиболее уважаемых Уильямсоном сотрудника – Майклджон, Драскович и Кларк – брали взятки у лиц, мошенничавших на тотализаторе.

Скандал в Скотленд-Ярде вызвал очередную волну недоверия к полиции. Организация Скотленд-Ярда потребовала существенных изменений. Во главе его встал поборник новшеств, адвокат Говард Винсент. Он побывал в Париже для ознакомления с работой Сюртэ и перенял у французов все, что в этих обстоятельствах только можно было перенять. Из все еще рыхлой группы детективов он создал отдел уголовного розыска, которому предстояло определить впоследствии лицо будущего Скотленд-Ярда.

Первым нововведением Винсента была организация наблюдения за уголовниками. По примеру Масэ, но с большим размахом он начал сбор фотографий для создания «альбома преступников». Трижды в неделю Винсент отправлял трид-

цать детективов в тюрьму Холлоуэй для проверки того, нет ли среди вновь поступивших арестантов знакомых лиц. Эта практика хотя и медленно, но начала приносить свои плоды.

Однако то, как мало все еще ценили Скотленд-Ярд, можно проиллюстрировать одним небольшим примером. Когда суперинтендант Уильямсон однажды спросил у незнакомца, весьма похожего на вышедшего на пенсию сотрудника Скотленд-Ярда: «Мы с вами знакомы? Вы у нас работали?», то получил ответ: «Нет, слава богу, так низко я еще никогда не опускался!»

В 1884 г. пост начальника отдела уголовного розыска занял новый человек – Джеймс Монро, долго работавший в британской полиции в Индии. Ему воочию довелось убедиться, что позиции Скотленд-Ярда все еще оставались весьма шаткими.

С 6 августа по 9 ноября 1888 г. английская общественность пребывала в шоке, вызванном серией убийств, совершенных неизвестным преступником.

Ночью 6 августа на темной улице лондонского района Уайтчепел был найден с перерезанным горлом труп тридцатипятилетней проститутки Марты Тэрнер. 31 августа была убита еще одна проститутка – Энн Николс, затем последовали еще четыре убийства: 8 сентября погибла Энни Чэпмэн, 30 сентября – Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоуз, а 9 ноября – Мэри Келли. Все убитые занимались проституцией, у всех было перерезано горло, причем сделано это

было с такой страшной силой, что голова отделялась от туловища. Но убийце как будто и этого было мало: у последних пяти жертв он с редчайшей жестокостью выпотрошил все внутренности. Прделано все было с точностью, которая наводила на мысль, что это дело рук человека, знакомого с хирургией. Убийства происходили между одиннадцатью вечера и четырьмя часами утра, к тому же исключительно в районах Уайтчапела, Спитлсфилда и Стипни. Несмотря на то что Чарлз Уоррен, бывший в то время начальником лондонской полиции, распорядился производить непрерывное патрулирование улиц города и все работники Скотленд-Ярда каждую ночь были на ногах, убийцу разыскать не удалось. Его прозвали Джеком-потрошителем. Возмущение беспомощностью уголовной полиции не имело пределов. Уоррену, старому рубаке из Южной Африки, пришлось подать в отставку.

Но и тогда, когда начальником полиции назначили Монро, а блестящего адвоката Роберта Андерсона сделали начальником отдела уголовного розыска, тайна Джека-потрошителя оставалась тайной. После смерти Мэри Келли убийства внезапно прекратились, так и оставшись нераскрытыми. Существовало несколько более или менее официальных версий относительно убийцы. Например, предполагали, что это был сумасшедший, который хотел отомстить проституткам за то, что заразился от них венерической болезнью, и который покончил с собой 9 ноября. Более правдоподобной

выглядела версия о причастности к этим убийствам одного русского фельдшера, работавшего в восточной части Лондона и выступавшего под различными фамилиями: Педаченко, Коновалов, Острог. В Лондон он прибыл из Парижа, где его тоже подозревали в убийстве одной гризетки. Она была убита таким же зверским способом, как и жертвы Джека-потрошителя. Русский странным образом исчез из Лондона, а после того, как в 1891 г. в Петербурге убил женщину, закончил свой жизненный путь в сумасшедшем доме.

Несомненно, озлобленность и тревога лондонской общности были вполне естественными. Но это возмущение в конечном счете ей следовало бы обернуть против самой себя. Разве убийства Джека-потрошителя не показали со всей очевидностью, к чему приводит эта щепетильная защита личных свобод (среди прочих – бесконтрольной свободы перемещения любого человека и права называться любым именем)? Разве парижские газеты не были правы, посмеиваясь с явной национальной гордостью, что в Париже такой Джек-потрошитель не смог бы неделями безнаказанно совершать свои кровавые убийства?

Во всяком случае, в те дни, когда Фрэнсис Гальтон в своей лаборатории корпел над тысячами отпечатков пальцев, над Лондоном витала тень Джека-потрошителя. Она еще не полностью рассеялась и к тому времени, когда Гальтон в 1892 г. выпустил свою книгу «Отпечатки пальцев». И несмотря на весь его авторитет, Гальтону понадобился целый год, прежде

чем министерство внутренних дел удосужилось обратить на нее внимание. Однако в 1893 г. было еще не поздно, как сказал один из его современников, «поднять знамя дактилоскопии в решительной битве, имеющей историческое значение».

Со времени своего визита к Альфонсу Бертильону в 1884 г. Эдмунд Спирмэн не переставал устно и письменно обращать внимание британского министра внутренних дел на бертильонаж. В лице д-ра И. Дж. Гарсона, честолюбивого вице-президента лондонского Антропологического общества, Спирмэн обрел союзника. Борьба за бертильонаж стала для Спирмэна своего рода навязчивой идеей. Досконально изучив методы идентификации, которыми пользовались в Скотленд-Ярде, он обрисовал их министру в самых темных тонах, хотя и это не могло достаточно полно передать всю мрачную реальность. Списки профессиональных преступников и списки освобожденных заключенных, составляемые в министерстве внутренних дел к концу каждого года, попадали в руки полиции в лучшем случае через девять месяцев. К этому времени данные, разумеется, устаревали, к тому же описания внешности были весьма поверхностными и неточными, как бывало в свое время и во Франции. Особые приметы редко фиксировались, а если и упоминались, то примерно так: «Татуировка на левом безымянном пальце». Это была примета, которая в те времена моды на татуировку могла относиться к сотням подозреваемых. Альбомы со снимками преступников в Скотленд-Ярде разделили участь французской картотеки преступников. Альбомы содержали

около 115 тыс. фотографий. Многое предпринималось для того, чтобы навести порядок, но хаос здесь был так же велик, как некогда в Париже. Сотрудники отдела наблюдения за преступниками нередко целыми днями рылись в картотеке только для того, чтобы найти снимок всего одного преступника. Речь шла о бесцельной трате сил и времени. Не лучше обстояли дела и с процедурой идентификации в тюрьмах. Трижды в неделю встречались 30 сотрудников в тюрьме Холлоуэй для опознания знакомых им по фотографиям лиц преступников. Все было, как 50 лет назад, когда каждому новичку-детективу, как важнейшую заповедь, твердили: «Учись узнавать мошенника, мой мальчик, учись узнавать мошенника...» За одно посещение тюрьмы 30 сотрудников идентифицировали в лучшем случае четырех преступников, а на каждую такую идентификацию уходило 90 рабочих часов, причем эти опознания часто впоследствии оказывались ошибочными.

Книга Гальтона «Отпечатки пальцев» уже вышла в свет, когда в 1893 г. Спирмэну удалось уговорить двух высокопоставленных чиновников из министерства внутренних дел – сэра Чарлза Рассела и сэра Ричарда Уэбстера, отправлявшихся с политической миссией в Париж, – посетить Бертильона. Тот радушно принял их в своих владениях, и они вернулись на родину в восторге от всего увиденного. Уэбстер потом заявил, что ему довелось видеть лучшую из систем идентификации, какую только можно себе представить. Те-

перь уже Рассел и Уэбстер уговаривали исполняющего обязанности министра внутренних дел Эсквита ввести в Англии бертильонаж. Эсквит готов был уже согласиться, но тут произошло то самое (как выражается один французский историк) отклонение стрелки истории, которое порой кажется случайностью, порой – перстом судьбы. Один из членов «Королевского общества» вручил Эсквиту книгу Гальтона. Эсквит нашел время ознакомиться с ней и отложил введение бертильонажа. Вместо этого он решил назначить комиссию для ознакомления как с бертильонажем, так и с системой отпечатков пальцев. Комиссии предстояло решить, какая из этих систем больше подходит для Англии.

В октябре 1893 г. комиссия приступила к работе. В нее входили Чарлз Эдвард Троуп, сотрудник министерства внутренних дел, майор Артур Гриффит и Мелвилл Макнэтен. Гриффит был инспектором британских тюрем и, кроме того, весьма известным писателем, работавшим в то время над двухтомным произведением «Тайны полиции и преступлений». Макнэтен представлял Скотленд-Ярд.

В те омраченные недавними убийствами Джека-потрошителя времена Макнэтен, вернувшись из Индии, занимал должность начальника отдела уголовного розыска. Для постоянного напоминания о случившемся в его письменном столе лежали жуткие снимки зарезанных женщин. Этот холеный низенький человек, всегда распространявший вокруг себя «атмосферу индийского плантатора», получивший поз-

же прозвище Добрый Старый Мак, стал как бы между старым и новым Скотленд-Ярдом. Он сменил на этом посту ученика неудачливого Уичера – Уильямсона, который встретил его словами человека, разочаровавшегося во всем: «Мой мальчик, вы пришли в сумасшедшее учреждение. Если вы будете выполнять свой долг – вас будут поносить, не будете выполнять его – вас тоже будут поносить». Макнэтен застал еще детективов-ветеранов, вроде суперинтенданта Шора, незнакомых с орфографией. Ему еще приходилось заучивать поговорку «Лучший детектив – удача и случай» (что, впрочем, не так далеко от истины). Макнэтену от природы был присущ консерватизм, но в Индии он достаточно расширил свой кругозор, дабы понять, что уголовной полиции нельзя проходить мимо новейших достижений науки.

Члены комиссии Троупа в первую очередь отправились в лабораторию Гальтона в Саут-Кенсингтонском музее, чтобы на месте ознакомиться с системой отпечатков пальцев. Простота системы была столь захватывающей, что члены комиссии повторили свой визит в лабораторию. И уже казалось, что история «повернула стрелку» в нужном направлении, но тут же выяснилось, что она чуточку поторопилась. После выхода в свет книги «Отпечатки пальцев» неутомимый Гальтон понял, что ему еще рано праздновать победу своего метода регистрации. В его системе обнаружилось несколько слабых звеньев, а именно: если бы четыре определенных им основных узора папиллярных линий (без треугольника, с тре-

угольником слева, с треугольником справа, с несколькими треугольниками, или, как их еще иначе назвал Гальтон, дуги, петли слева и справа, завихрения) встречались равномерно, то можно было бы 100 тыс. карточек с десятью отпечатками пальцев распределить таким образом, что найти нужную не представляло бы никакого труда. Но о подобной равномерности не могло быть и речи. Дуги встречались реже, чем остальные узоры. Наблюдалась тенденция к повторению на определенных пальцах одного и того же основного узора. Когда Гальтон классифицировал 2645 карточек, выяснилось, что в один ящик попало 164 карточки, в то время как в других оказалось по одной-единственной карточке. В итоге в отдельных ящиках накапливалось столько карточек, что о быстром нахождении одной нужной нечего было и думать.

Когда члены комиссии появились в лаборатории Гальтона, он как раз трудился над разработкой новых критериев классификации. Ему уже казалось, что он нашел правильное решение, но, увы, он всего лишь приблизился к нему. Гриффит настаивал на определении срока окончания поиска, что было абсолютно нереальным. Возможно, для этого ему, Гальтону, потребуется всего один год, а может быть, два или три. Комиссия оказалась в затруднительном положении. Этот способ идентификации выглядел на редкость простым. И вот вместо того, чтобы без всяких затей использовать его, приходится от него отказываться только потому, что не усовершенствована регистрация. Значит ли это, что надо обра-

титься к бертильонажу – методу более сложному, чтобы через несколько лет узнать наконец, что Гальтон решил проблеме упорядочения карточек с отпечатками пальцев?

Вот такая перспектива, подобно мрачной туче, зависла над Троупом, Гриффитом и Макнэтенем, когда после этого они отправились в Париж.

В столице Франции три англичанина окунулись в атмосферу триумфа французской полиции. В то время пост префекта полиции перешел к новому человеку – Луи Лепэну, небольшого роста, темпераментному, всегда жестикулирующему господину. Ему было суждено стать популярнейшим парижским префектом конца XIX – начала XX столетия. Заветной его мечтой было заставить население Парижа полюбить свою полицию, и в этом начинании он проявил так много решительности и находчивости, как никто другой. Подавляя забастовки и беспорядки железной рукой, он делал это с таким дипломатическим тактом, что у побежденных не оставалось чувства поражения. Он не брезговал театральными эффектами. Мог, например, внезапно ворваться в гущу бастующих, на которых полицейские по его же приказу нацелили заряженные ружья. «Стойте! Я запрещаю вам стрелять в этих честных людей!» – кричал он своим полицейским, и, пока бастующие выражали ему свой восторг, забастовка сама по себе угасала. Лепэна прозвали «префектом улиц», поскольку он все время старался быть на людях. Всех своих служащих он подбирал лично. Патрульные полицейские бы-

ли у него видными, высокими. Мужчины ниже 1 м 74 см не имели никаких шансов попасть к нему на службу. В уголовную полицию сотрудники подбирались по иному принципу: их внешность должна была быть совсем заурядной. Те, кто был выше 1 м 67 см, имели рыжие волосы, большой живот или шрам на лице, беспощадно отбраковывались.

Лепэн жаловал Бертильона так же, как и его предшественники, но по натуре он был слишком большим охотником за славой, чтобы не понять, чем может обернуться для парижской полиции бертильонаж. Он обрушил на англичан такую лавину похвал по поводу гениальности Бертильона и его программы, что вся служба идентификации предстала перед иностранцами в ослепительном блеске.

В подобном ключе беседовал с англичанами и Горон, бывший в то время шефом Сюртэ. Горон, уроженец Бретани, был уже близок к тому, чтобы стать почти легендарной личностью. Небольшого роста, полный, короткорукий, с напомаженными усами, в пенсне, он производил впечатление не лучшее, чем Бертильон. Преступников Горон преследовал из «любви к искусству». Он находился, если можно так выразиться, где-то между Масэ и грядущим. Никто точно не знал, в какой степени он использует в работе традиционных осведомителей. Во всяком случае, он располагал множеством так называемых «загонщиков», которых снабжали документами ранее судимых лиц, с тем чтобы они под видом всякого рода бандитов проникали в притоны, а затем по-

ставляли Горону необходимую информацию. Вместе с осужденными они отправлялись в тюрьмы, там «вынюхивали», подслушивали, попадали в другие тюрьмы, «умирали», получали новые документы и под другими именами продолжали свою работу. Допросы Горон проводил в темных камерах, доводя арестантов до нужной кондиции простым методом – лишением пищи. В обмен на интересующие его сведения он предлагал роскошный обед. Он обещал заключенным женщин, если они расскажут все, что ему хотелось узнать. Это стали называть «харчевней месье Горона». И действительно, ему удалось ликвидировать целые банды, которые, выползая из своих обиталищ в старых крепостных валах и дровяных складах на берегах Сены, терроризировали весь Париж. Как и Лепэн, Горон был хорошим пропагандистом и сумел перетянуть прессу на свою сторону. Как и Лепэн, он был достаточно умен, чтобы оценить значение бертильонажа и тот факт, что другой системы идентификации пока не предвиделось. Потому-то он так ярко и расписал англичанам достижения Бертильона.

Да и сам Бертильон во время визита гостей из Лондона показал себя с самой лучшей стороны. Его покинула обычная мрачность и замкнутость, и он сопровождал гостей даже во время посещения ими тех мест Парижа, где обитали преступники. Бертильон не успокоился до тех пор, пока гости не выпили с ним грога. Он, проживший в Англии несколько лет, был до смешного убежден, что это напомнит англичанам

их родину. За выпитый с ними грог Бертильон поплатился страшными приступами мигрени.

В своих апартаментах под крышей префектуры Бертильон, как рассказывал Макнэтен, готов был без усталости говорить о своих успехах, которыми он, впрочем, гордился по праву. Бертильон демонстрировал англичанам вещи, о которых те сроду не слыхивали; среди прочего, например, был фотоаппарат на высоком штативе, вращая который можно было с доскональной точностью снять место преступления. Аппарат имел насадку с метрической шкалой, которая отпечатывалась на фотографии, что позволяло представить точные размеры места преступления: расстояние от трупа до двери, до стены и т. п. Он показал и другие интересные и необходимые в работе приспособления, позволяющие не делать трудоемких карандашных зарисовок места происшествия. Бертильон отвел гостей в помещение, где размещалась лаборатория для фотографических и физических экспериментов. И только после показа всего этого продемонстрировал как свое наивысшее достижение методику бертильонажа.

В комнату ввели заключенных. Гриффиту и Макнэтену дали в руки измерительные приборы, для того чтобы они лично убедились в «простоте» процедуры измерения. Бертильону удалось показать гостям действенное преимущество своей системы идентификации перед прежней и доказать, что она являет собой небывалый шаг вперед. Ему не уда-

лось только одно — убедить практичных англичан, что его метод действительно прост. Их страшила не только необходимость скрупулезности в обмеривании, но и вероятность ошибок, которые обязательно возникнут, как только измерения будут проводиться вне контроля такого педантичного и компетентного наставника, каким был Бертильон. Словесный портрет почти не произвел впечатления на англичан. Они считали, что его конструкция слишком сложна для рядового полицейского, и время доказало, что они были правы. Отказавшись от словесного портрета, Макнэтен записал: «Видимо, работа Бертильона по своей природе имеет скорее теоретическое, чем практическое значение».

Последовавшие затем заседания комиссии Троупа, длившиеся до февраля 1894 г., проходили под знаком все той же неразрешимой дилеммы. Спирмэн и д-р Гарсон использовали все свое влияние, добиваясь введения в Лондоне бертильонажа и словесного портрета. При этом оба так увлеклись антропометрией, что совершенно не обращали внимания на те возможности, какие давала система идентификации по отпечаткам пальцев.

Наконец 19 февраля комиссия в обширном документе представила министру внутренних дел свои рекомендации, которые содержали изложение противоречий во мнениях членов комиссии, решивших искать выход в компромиссе. Он состоял в том, чтобы ввести в Скотленд-Ярде метод измерения, но в форме, устраняющей сложности бертильона-

жа. Следовало бы, рекомендовал документ, регистрировать 5 из 11 предлагаемых Бертильоном единиц измерения, а от словесного портрета отказаться вовсе. Вместо него, по мнению комиссии, на каждую карточку следует наносить отпечатки десяти пальцев заключенного. Регистрацию карточек надо проводить по метрическим величинам, поскольку классификация по отпечаткам пальцев пока невозможна.

В июле 1895 г. британское министерство внутренних дел поддержало предложения комиссии Тroupa. Детективу-инспектору Стэдмэну и детективам-сержантам Коллинзу и Ханту было поручено приступить к созданию в Скотленд-Ярде картотеки с данными измерений и отпечатками пальцев. Этому активно противился Спирмэн. По его словам, если бертильонаж, при котором требуется абсолютная точность как единичного измерения, так и совокупности всех измерений, оказался урезанным на шесть важных единиц, то соответственно уменьшаются и шансы на успех всего предприятия; более того, возможно, они вообще сводятся к нулю. Вся же затея с отпечатками пальцев представлялась ему вообще ненужной. Спирмэн, рассерженный, уехал в Париж к Бертильону, чтобы сообщить ему о происходящем. Факт искажения в Лондоне его системы чувствительно задел обидчивого Бертильона и настроил его враждебно ко всем англичанам. Между тем произошли события, отодвинувшие происходящее в Лондоне на второй план. Спирмэн встретил в Париже специалистов по вопросам полицейского

дела из различных европейских стран. Все они ожидали приема у Бертильона, чтобы ознакомиться с его системой. Здесь собрались знаменитости: от доктора Бехтерева из Санкт-Петербурга и Сергея Краснова из Москвы до доктора Штокиса из Льежа и начальника службы идентификации берлинской уголовной полиции фон Хюллесема.

Пока в Лондоне искали решение, Париж и чердак Дворца юстиции превратились, как сострил один современник, «в Мекку европейских полицейских управлений». Система Бертильона победным маршем двинулась по континентальной Европе.

Шефы европейских полицейских служб, отправляясь к Бертильону, полностью признавали все несовершенство своих систем идентификации, а о существовании дактилоскопии вообще не имели никакого понятия. В 1896 г. доктор Штокис и доктор де Лавелье первыми создали в Бельгии частные службы идентификации, работавшие по принципу бертильонажа. Испания в своих тюрьмах создала «антропологические кабинеты». В Италии первый кабинет, где производились подобные измерения, открыл при полиции Неаполя профессор ди Блазио. Профессор Оттоленги – судебный медик в Сиене, ставший вскоре ведущим криминалистом Италии, – начал преподавать методику Бертильона. Он стал настолько страстным поклонником «словесного портрета», что расширил метод, предложенный Бертильоном, и начал регистрировать «произвольные и произвольные ви-

ды движений» заключенных, а также «психические приметы», такие, к примеру, как «способность к запоминанию». Для выявления таких примет он предложил сложные аппараты – динамометр и платисмограф. Затем бертильонаж ввели в Португалии, Дании и Голландии.

С 1896 г. стали вводить антропометрию в работу полиции городов и земель Германской империи. Начальник дрезденской уголовной полиции, имевший титул советника правительственного совета Кёттиг, основал в столице Саксонии антропометрическое бюро. Благодаря этому начинанию имя его стало выделяться на том весьма бесцветном фоне разобщенной в ту пору немецкой уголовной полиции. Между тем прошло уже три четверти века с тех пор, как и в Берлине, столице самой большой немецкой земли – Пруссии, из мало-мощной горсточки ночных охранников и полицейских служаков была впервые создана организованная и одетая в униформу полиция.

Еще в 1822 г. трем полицейским в Берлине было вменено в обязанность «в гражданском одеянии заниматься исследованием преступлений». И все-таки с того времени нигде в Германии так и не зародились свои Сюртэ или Скотленд-Ярд либо иная уголовная полиция, с которой связывались бы какие-либо славные дела или легенды. Тут дело было не только в чрезмерной рассудительности и в отсутствии смелых идей у прусского чиновничества, хотя и это возможно: ведь кто из немецких криминалистов смог бы написать

мемуары, подобные вышедшим из-под пера Масэ, или стать героем сенсационных криминальных приключений масштаба Горона! Но дело заключалось еще и в том, что в Германии тех лет не было ни одного хорошего писателя, достойного сравнения с англичанами Чарлзом Диккенсом, Уилки Коллинзом, позднее с Конан Дойлом или французом Эмилем Габорио, избравшими героями своих произведений детективов.

«Молькенмаркт» – древний, мрачный, угловатый комплекс зданий, который до 1891 г. занимал берлинский полицей-президиум, – а затем и новое его помещение на Александерплац не стимулировали полет фантазии. То же самое относилось к Четвертому отделу, который с 1854 г. примерно соответствовал Сюртэ или лондонскому уголовному розыску. Не лучше выглядели полицей-президиумы и сыскные отделы в других немецких землях.

Когда правительственный советник Кёттиг вводил в Дрездене бертильонаж, он понятия не имел, как, впрочем, и другие руководители уголовной полиции в Германии, о том, что уже восемь лет назад, в 1888 г., берлинский ветеринарный врач доктор Вильгельм Эбер направил в прусское министерство внутренних дел докладную записку, ставшую любопытнейшим документом в истории дактилоскопии. Отнесись к ней в министерстве с большей долей воображения, возможно, прусской полиции и выпала бы честь участвовать в становлении дактилоскопии. Эбер несколько иначе, чем доктор

Фолдс, исходя из совсем других предпосылок, открыл криминалистическое значение отпечатков пальцев, найденных на месте преступления. Кровавые отпечатки рук на полотенцах, оставляемые мясниками и ветеринарами в берлинских бойнях, привлекли внимание Эбера и навели его на мысль о папиллярных узорах. В результате многочисленных опытов он выявил различную в каждом отдельном случае их картину. Через некоторое время Эбер уже умел определять по отпечатку на полотенце того, кто им пользовался. Точно так же, как и Фолдс, он пришел к выводу, что по отпечаткам ладони и пальцев руки, оставленным на месте преступления, можно установить преступника. К своей докладной записке в министерство внутренних дел он приложил ящичек, в котором содержались принадлежности, необходимые для получения «картины рук», с оговоркой, что он снимал отпечатки с предметов, которых касались неизвестные ему люди, а затем сумел их установить. С помощью паров йода, заявлял Эбер, можно закрепить отпечаток руки, на котором четко будут видны папиллярные линии.

8 июня 1888 г. исполняющий обязанности начальника берлинской полиции фон Рихтхофен вернул Эберу его докладную записку, сухо заметив при этом: «Пока что, насколько могут вспомнить ветераны, никогда еще не удавалось реконструировать отпечатки рук по следам, оставленным на щеколдах, стаканах или других предметах, обнаруженных на месте преступления». И никто не вспомнил о

предложениях Эбера, когда в Саксонии – первой из германских земель – был введен бертильонаж.

Советник Кёттиг пытался пригласить в Дрезден начальников полиции всех германских земель, чтобы заинтересовать их бертильонажем. Он ратовал за проведение «всеобщей конференции немецкой полиции», но его усилия разбились о стену местнических интересов отдельных земель и их полицейских ведомств. Между тем шеф гамбургской уголовной полиции Рошер ввел антропometriю, за ним последовал Берлин. Наконец в июне 1897 г. прошла конференция немецкой полиции. Она, к величайшей радости Кёттига, приняла решение об организации во всех имперских землях служб идентификации с использованием метода Бертильона и о создании в Берлине центральной картотеки.

После «завоевания Германии» Бертильон пережил один из своих величайших триумфов. Прошел год, и, как говорили в Париже, «приобщилась» к бертильонажу и Австрия – важнейшая часть придунайской монархии.

Шестью годами раньше, в 1892 г., за введение антропometriи в Австрии уже высказывался один из видных пионеров криминалистики, оказавший большое влияние на ее развитие. Имя этого человека Ганс Гросс. Он родился в Граце в 1847 г. и, еще будучи студентом, изучавшим право, осознал все недостатки существовавших методов идентификации, особенно тех, которые используются австрийской уголовной полицией на селе. В уголовной полиции служили бывшие ун-

тер-офицеры, исполнявшие свои обязанности кое-как, полагавшиеся только на доносы осведомителей и любой ценой, порой самыми грубыми методами добивавшиеся признания подозреваемыми своей вины. Когда Гросс в 1869 г. начал работать следственным судьей в промышленном районе Верхней Штирии, знакомство с работой уголовной полиции показалось ему кошмарным сном. Если и велась какая-то работа по расследованию преступлений, то вся она лежала на плечах следственного судьи. Гросс, хотя и изучал законодательство в университете, но о криминалистике не имел ни малейшего представления. Но зато в отличие от других следственных судей тех лет он обладал воображением и догадывался, сколь необходимо создать новый духовный и научный естественно-технический фундамент следственной работы. Будучи юристом, он не обладал специальными познаниями в области теоретического или прикладного естествознания. Но добросовестное изучение доступной ему литературы привело его к выводу, что вряд ли существует какое-либо техническое или естественно-научное достижение, которое нельзя было бы использовать при раскрытии преступлений.

Гросс проштудировал основы химии и физики, занялся фотографией и микроскопией, ботаникой и зоологией и, как результат двадцатилетнего труда, написал книгу, обобщившую его опыт, которой было суждено стать первым учебником научной криминалистики и прославить Гросса во всем

мире. Он назвал ее «Руководство для следователя».

В 1888 г. Гросс впервые услышал о бертильонаже. Естественно, он тут же сам занялся измерениями и в первом издании своего учебника в 1892 г. решительно высказался за введение антропометрии в Австрии.

Когда 3 апреля 1898 г. австрийский министр внутренних дел распорядился основать в Вене бюро по бертильонажу, он был в полной уверенности, что обеспечил полицию своей страны новейшим техническим достижением.

В конце 1896 г. в купе скорого поезда, следовавшего в Калькутту, молодой британский офицер с интересом рассматривал своего попутчика, привлекшего его внимание своим странным поведением.

Попутчик был высоким, стройным, необычайно холемым человеком лет сорока пяти, с несколько удлиненной красивой головой, пышными волосами, расчесанными на пробор, темными усами. Весь его облик свидетельствовал о том, что это непременно либо высокого ранга чиновник, либо офицер. В течение часа он не шевелясь смотрел в окно, затем внезапно вынул из нагрудного кармана золотую ручку и стал что-то торопливо искать в остальных карманах своего костюма. Так ничего и не найдя, он снял левую накрахмаленную манжету и начал на ней что-то быстро записывать. Самым удивительным было то, что он не только писал, но и рисовал какие-то дуги. Он несколько раз прерывал свою странную работу и, глядя перед собой, глубоко задумывался, затем дополнял записанное и нарисованное. К концу пути его манжета была полностью разрисована и исписана. На вокзале в Калькутте его встретили несколько слуг, которые увезли его в элегантном экипаже.

Молодой офицер не мог знать, что ему довелось присутствовать при событии необычайной важности, а о том, кто

сидел напротив него, он и подавно не догадывался. Это был Эдвард Генри – генеральный инспектор полиции Бенгалии, провинции в Британской Индии. И в этот день на своей манжете он набросал основные принципы всеобъемлющей системы классификации отпечатков пальцев.

Генри – сын врача, родом из Шедуэлла, восточного пригорода Лондона. В 1873 г., в двадцатитрехлетнем возрасте, он отправился в Индию, где стал успешно продвигаться по ступеням служебной лестницы. В 1891 г. он занял должность генерального инспектора полиции Бенгалии. Сравнительно молодой, Генри выделялся образованием, умом, хорошим воспитанием и богатой фантазией. Одновременно с этим он обладал исключительными организаторскими способностями и математическими познаниями. Заняв столь высокий пост в Калькутте, он тотчас же ввел бертильонаж в работу полиции. С учетом очень низкого образовательного уровня работников индийской полиции тех лет и их неосведомленности о европейской системе мер Генри пришлось сократить измерения до шести величин. В соответствии с заключением лондонской комиссии ТROUPA в карточку с измерениями вносились в качестве особой приметы и отпечатки пальцев.

Достижения бертильонажа, особенно если сравнивать их с состоянием дел в сфере идентификации в прошлом, отрицать было немислимо. В 1893 г. в Бенгалии благодаря антропометрическим измерениям удалось установить наличие прошлой судимости у 23 вновь арестованных. В 1894 г. это

число возросло до 143, а в 1895 г. — до 207. К этому же году количество карточек, составленных в Бенгалии по системе Бертильона, достигло 100 тыс. Тут-то и обнаружилось наличие ошибок при обмеривании преступников. Возникли непреодолимые трудности с обучением индийских полицейских и тюремной администрации. Их необходимо было научить измерять заключенных так, чтобы на эти измерения можно было положиться. К тому же заполнение одной карточки занимало у них почти час, для страховки измерения повторяли трижды. Максимальный допуск колебался в пределах двух миллиметров. Но данные измерений отдельных людей часто отличались именно этими двумя миллиметрами. И, чтобы не проглядеть эти миллиметры, приходилось, отыскивая нужную карточку, просматривать множество картотечных ящиков, на что тоже уходило не менее часа.

Пожалуй, только игрой случая или капризом судьбы, роль которых так велика в истории криминалистики, можно объяснить то обстоятельство, что Генри работал в Бенгалии — той же самой провинции, где полтора десятка лет назад проводил свои первые эксперименты с отпечатками пальцев Уильям Хершел. Генри жил в том же окружении и впитывал в себя те же впечатления. Во всяком случае, Генри независимо от Хершела уже в 1892 г. (то есть до решения комиссии Троупа) обратил внимание на проблему отпечатков пальцев. В 1893 г. в его руки попала вышедшая годом раньше книга Гальтона «Отпечатки пальцев». В 1894 г. из доклада комис-

сии Тroupa он узнал, что Гальтону не удалось решить проблему практической классификации отпечатков пальцев. И тогда Генри впервые задал себе вопрос: действительно ли эта проблема столь неразрешима?

Через несколько месяцев Генри уехал в отпуск на родину. Прибыв в Лондон, он тотчас же посетил Гальтона в его лаборатории в Саут-Кенсингтоне. Гальтон, которому было уже за семьдесят, встретил его без всякого предубеждения, не опасаясь за свой престиж, и поделился с Генри всеми своими сомнениями. Таинственный мир папиллярных линий зажег фантазию Генри. Он вернулся в Калькутту с чемоданом, до краев заполненным фотографиями отпечатков пальцев, и постоянно размышлял о них. В Калькутте он продолжал собирать образцы отпечатков и фотографировать их. Он все сравнивал и сортировал отпечатки вплоть до декабря 1896 г., то есть до того момента, когда в поезде к нему неожиданно пришло решение проблемы классификации отпечатков пальцев – классификации, позволяющей без особого труда и в кратчайшее время найти нужные отпечатки.

Если быть точным, то идея эта родилась на свет благодаря сочетанию научно-исследовательских принципов Гальтона и организационно-практического таланта Генри. Последний никогда не забывал упомянуть о той благодарности, какую он испытывает к Гальтону, и даже позже, став признанным корифеем дактилоскопии, Генри всегда считал уместным отдать должное заслугам Хершела и Фолдса. В последние неде-

ли 1896 г. Генри изобрел такой способ систематизации миллионов карточек с отпечатками пальцев, что любая из них могла быть найдена за самое короткое время. Он определил пять основных узоров пальцевых отпечатков и четко охарактеризовал каждый из них с последующим подразделением. Итак, существовали простые дуги, пихтообразные дуги, радиальные петли, ульнарные петли и завихрения (радиальная петля обращена в сторону радиуса предплечья, то есть в сторону большого пальца; ульнарная петля обращена в сторону мизинца). Узоры можно сравнивать с буквами латинского алфавита A, T, R, U и W. Затем следовало – и это было главным для массовой регистрации – подразделение основных узоров. Для этого необходимо было провести уточнение рисунка, который Гальтон назвал треугольником, или дельтой. Этот треугольник мог образовываться, например, раздвоением одной-единственной папиллярной линии или двумя разбегающимися линиями. Генри определил для них исходные точки, названные им «внешними пределами». В так называемых петлях тоже имелись свои определенные точки, названные «внутренними пределами». Если провести прямую между внешними и внутренними пределами и сосчитать папиллярные линии, пересекаемые этой прямой, то их число окажется у разных людей различным. Это число можно обозначить цифрами и положить в основу группировки. Эти цифры, обозначающие основные узоры, дадут формулу, согласно которой будет достигнуто упорядочение классифи-

кации карточек с отпечатками пальцев.

То, что непосвященному человеку могло показаться сложнейшей системой, в действительности было простым методом, который легко осваивался в кратчайшее время. Для его применения на практике не нужно было ничего, кроме лупы и иглы для более удобного отсчета линий.

Еще в начале 1896 г. Генри отдал бенгальской полиции приказ прилагать к карточкам Бертильона карточку с отпечатками всех десяти пальцев преступника. Теперь же Генри решил испытать свою систему на большом числе карточек. «Если этот метод регистрации, – писал он, – окажется надежным, то я полагаю, что от антропометрии можно будет со временем отказаться...»

Спустя год, в январе 1897 г., Генри был уже полностью уверен в своей правоте. Он обратился к британскому генерал-губернатору Индии с предложением назначить беспристрастную комиссию, правомочную принять решение о введении регистрации по отпечаткам пальцев вместо бертильонажа. Несмотря на свойственную ему сдержанность, Генри откровенно ликовал, когда генерал-губернатор принял его предложение.

29 марта 1897 г. под председательством генерал-майора Шехана, «генерального инспектора Индии», в служебном помещении Генри в Калькутте заседала комиссия. Выводы, сделанные ею два дня спустя, 31 марта, знаменовали для Генри величайший успех. «Ознакомившись с антропометриче-

ской системой и ее недостатками, – говорилось в выводах комиссии, – мы столь же внимательно изучили систему отпечатков пальцев. Первое, на что мы обратили внимание, – это простота самой процедуры снятия отпечатков пальцев и их четкость. Здесь не требуются ни особые инструменты, ни особое обучение сотрудников. Нам был также разъяснен и принцип классификации, предложенный мистером Генри. Способ настолько прост, что мы... смогли найти оригиналы двух сложнейших карточек... быстро, четко и без труда... Задача, осложненная недостаточной четкостью отпечатков, была решена нами в две минуты...»

Уже 12 июля 1897 г. генерал-губернатор окончательно отменил практику измерений и вместо нее ввел во всей Британской Индии дактилоскопию. С ее помощью в 1898 г. во всей Бенгалии были идентифицированы 345, а в 1899 г. – 569 преступников, две трети из которых с помощью бертильонажа идентифицировать бы не удалось.

А в это время сам Генри занимался изучением вопроса о возможности использования наличия на месте преступления отпечатков пальцев как вещественного доказательства; и вот то ли случай, то ли судьба послали Генри для проверки его метода как раз такое дело об убийстве, в котором он, так сказать, нуждался.

Время действия – август 1898 г. Место действия – отдаленная пограничная область между Бенгалией и Бутаном. Когда начальник британской полиции округа Джалпагури в

сопровождении двух индийцев посетил в конце месяца чайную плантацию, он застал там подозрительную тишину и безлюдье. А когда он приблизился к дому управляющего, никто не вышел ему навстречу. Входная дверь дома была открыта. В спальне он нашел самого управляющего, лежащего на кровати. Тот был мертв: у него было перерезано горло. Бумаги в письменном столе были перерыты, денежная шкапулка вскрыта, деньги похищены. Прислуга в панике разбежалась. Исчезла и возлюбленная управляющего – туземка. В конце концов отыскивали эту женщину и повара. Женщина во время совершения преступления в доме не находилась. Повар же видел, как вечером какой-то мужчина выбегал из дома, но в темноте не распознал его. Начальник полиции Джалпагури нашел бумажник управляющего. Денег в нем не было, только в одном отделении оказался измятый бенгальский календарь. На его светло-голубой обложке можно было различить еле заметное бурое пятно. У полицейского не было при себе лупы, но он предположил, что это отпечаток пальца, и сообщил о своей находке в Калькутту.

Генри приказал снять отпечатки пальцев у убитого и у всех лиц, с которыми убитый имел дело, а затем, обеспечив сохранность этих отпечатков, доставить их немедленно в Калькутту. Здесь в течение нескольких минут установили, что бурое пятно представляет собой не что иное, как отпечаток, по-видимому, большого пальца правой руки. Отпечаток не принадлежал убитому. Он не принадлежал также и

никому другому из ближайшего его окружения. После долгих расспросов выяснилось, что в конце 1895 г. убитый поймал на воровстве своего тогдашнего слугу Чарена, который был затем арестован и осужден в Калькутте. Во время своего ареста слуга поклялся отомстить управляющему.

Генри дал распоряжение искать отпечатки пальцев Чарена. Возможно, они уже есть среди карточек, которые в начале 1896 г. завели дополнительно к карточкам с данными измерений. Если же их не найдут в новой картотеке, то существовала еще одна возможность – отыскать его отпечатки в более старых антропометрических карточках, на которые иногда уже тогда заносили отдельные отпечатки пальцев. В поименном реестре нашлась карточка с измерениями Чарена. В ней оказался отпечаток большого пальца его правой руки, который соответствовал отпечатку большого пальца, найденному на календаре.

По случаю бриллиантового юбилея царствования королевы Виктории в 1897 г. амнистировали большое количество заключенных, в их числе оказался и Чарен. После этого он исчез. Прошли недели, прежде чем удалось его разыскать, арестовать и предать суду в Калькутте. Впервые судьи столкнулись с отпечатками пальцев как со средством доказывания. Чарен упорно отрицал свою причастность к убийству. Неопределенность ситуации заставила суд пойти на компромисс. Чарена осудили за хищение, а не за убийство. Вынести смертный приговор, основываясь на отпечатке одного паль-

ца, — на такое суд не мог решиться. Все это было слишком ново, слишком неопределенно, слишком революционно для тех, кому до сего времени приходилось выносить приговоры лишь на основании свидетельских показаний.

К моменту вынесения приговора по этому делу Генри был уже занят новыми проектами. Он написал книгу «Классификация и использование отпечатков пальцев», изданную за счет британской администрации. Одновременно, извлекая урок из дела Чарена, он разрабатывал новый, свой собственный способ регистрации отпечатков пальцев. Он хотел собрать отдельные отпечатки пальцев и упорядочить их таким образом, чтобы как можно проще проводить идентификацию, подобную той, какая имела место в Джалпагури. В то время еще нигде за пределами Индии не было известно о поразительных успехах в области идентификации, достигнутых в Бенгалии.

Далек был путь из Индии в Лондон, да и колесо бюрократической машины проворачивалось очень медленно, но все же она работала, и поэтому отчет комиссии генерал-майора Шехана из Калькутты наконец достиг адресата. Он оказался в министерстве внутренних дел как раз в то время, когда Скотленд-Ярд был ввергнут в очередной кризис вследствие англо-бурской войны. Демонстрации безработных сотрясали Лондон. Лавина преступлений нарастала. Сэр Эдвард Брэдфорд, тринадцать лет занимавший пост начальника полиции, обессилел. Сэр Роберт Андерсон, шеф отдела уголовного ро-

зыска, был накануне ухода на пенсию. Что касается службы идентификации, то Мелвилл Макнэтен не достиг ничего существенного. Не то чтобы бертильонаж полностью перестал быть действенным, нет – для того времени и он был прогрессом. Но нерешительность комиссии Троупа все еще сказывалась на работе отдела измерений. К тому же Гальтон выпустил новую книгу – «Дактилоскопический справочник», – оставлявшую полную уверенность в том, что решение проблемы отпечатков пальцев на подходе. Потому-то сообщения из Индии и попали на благодатную почву.

5 июля 1900 г. в Лондоне начала свою работу новая комиссия под председательством лорда Белпера. Генри вызвали в Лондон для доклада. Гальтона пригласили как эксперта, а заодно с ним и всех сотрудников Скотленд-Ярда, проработавших пять лет по системе, сочетающей в себе метод Бертильона с отбором отпечатков пальцев. Это были Макнэтен, Стэдмэн, Коллинз, а также д-р Гарсон, который в 1894 г. с большим усердием отстаивал антропометрию.

Выступление Генри имело огромный успех. Фрэнсис Гальтон лишний раз доказал свое внутреннее благородство, даже не намекнув, скольким обязан ему Генри, а лишь признав его систему практическим решением вопроса. Неожиданно его поддержал д-р Гарсон. Будучи мелким карьеристом, он мгновенно сообразил, что ему следует переменить лошадей и «оседлать» отпечатки пальцев. После этого он вдруг принялся расхваливать систему классификации отпе-

чатков пальцев, которую разработал сам. Но его система оказалась настолько несовершенной, что комиссия без лишних споров отклонила ее. После тщательного обсуждения вопроса лорд Белпер от имени комиссии рекомендовал в ноябре 1900 г. отменить в Англии бертильонаж и перевести всю систему идентификации преступников на дактилоскопию, предложенную Генри.

Но это еще не все. Министр внутренних дел назначил Генри заместителем начальника полиции Лондона и шефом отдела уголовного розыска. В марте 1901 г. Генри приступил к исполнению своих новых обязанностей. Начал он с визита в то скромное помещение, где работал инспектор Стэдмэн, сержанты Коллинз и Хант. Стэдмэн к тому времени был уже тяжелобольным человеком, и Коллинз с Хантом практически вдвоем выполняли всю основную работу. По сравнению с опытами Генри в Калькутте их успехи выглядели довольно жалкими. Собранные ими отпечатки пальцев были технически плохо сняты, нечетки, неправильно систематизированы, да и хранились в тесных ящиках обычного платяного шкафа. Но Генри сумел заразить своей страстью к дактилоскопии Коллинза и Ханта. Он предоставил в их распоряжение образцы отпечатков, собранных им в Индии, и научил их различать узоры папиллярных линий. Его дидактические способности были настолько велики, что Коллинз в кратчайший срок стал крупнейшим английским дактилоскопистом тех лет. Уже через год, к маю 1902 г., новый дактилоскопи-

ческий отдел идентифицировал 1722 рецидивиста. Это число в четыре раза превосходило самые лучшие показатели, достигнутые при применении бертильонажа. Но Генри прекрасно понимал, что этого мало, для того чтобы Англия пала перед дактилоскопией. Ему нужны были достижения такого уровня, которые сломали бы скептицизм судей в отношении отпечатков пальцев и рассеяли недоверчивость общественности.

Такая возможность впервые представилась уже в 1902 г. во время ежегодных скачек в Ипсومه. Мелвилл Макнэтен позже вспоминал: «В первый день скачек мы боялись, что нам ни за что не справиться. В шесть или семь часов вечера полиция привезла в тюрьму всех уголовников (мошенников и карманников), которых удалось задержать на скачках. Уже на следующее утро, в 9 часов 30 минут, они должны были предстать перед мировыми судьями. Поэтому мы послали в Ипсом несколько специалистов. Они отобрали отпечатки пальцев у 45 арестованных и привезли их в Скотленд-Ярд. Два сотрудника отдела дактилоскопии в ту же ночь сверили отпечатки пальцев, и 29 человек из этих арестованных были распознаны как ранее судимые. Карточки «грешников» главный инспектор (к тому времени Коллинз был назначен главным инспектором) рано утром отвез в Ипсом. Когда преступники предстали перед судом, то с учетом их прежних судимостей они были подвергнуты двойному наказанию. Один из них назвался Грином из Глостера. Он уверял, что нико-

гда прежде не был судим, а ипподром для него – мир совершенно неизвестный. Когда главный инспектор назвал ему его подлинное имя – Бенджамен Браун – и уточнил, что он вовсе не из Глостера, а из Бирмингема и за ним значится изрядное количество судимостей, арестованный разразился бранью: «Проклятые отпечатки пальцев! Я так и знал, что они меня выдадут!»

В том же году Генри получил еще один, более значительный шанс. На этот раз речь шла об отпечатках пальцев, обнаруженных на месте преступления. В августе 1902 г. на месте кражи со взломом на Денмарк-хилл Коллинз обнаружил на свежевыкрашенном подоконнике четкие отпечатки пальцев человека, который, как тут же показала карточка, совсем недавно отбыл срок заключения за другую кражу со взломом. Звали его Джексон. Он был арестован и препровожден в тюрьму Брикстоун. Там для полной уверенности Коллинз снял у него отпечатки пальцев еще раз. Никакого сомнения – во время взлома Джексон находился в доме на Денмарк-хилл.

Кража со взломом – это преступление, не входящее в компетенцию мирового судьи; такие дела рассматриваются в знаменитом Олд-Бейли – лондонском уголовном суде с участием присяжных заседателей. Генри решил воспользоваться этим шансом и сделать все возможное для достижения нужного ему результата. Он понимал, что лишь обвинитель с исключительным авторитетом, славой и талантом будет в

состоянии преодолеть барьер недоверия и предубеждений, сковавших и консервативных английских судей, и присяжных.

Таким человеком был прокурор Ричард Мьюир. Сорокапятилетний Мьюир занимал видное место среди среднего поколения адвокатов, которые выступали обвинителями от имени британской короны. Дела об убийствах, такие, как дело Криппена, сделали имя Мьюира известным даже за пределами Англии. После переговоров с Генри Мьюир лично отправился в Скотленд-Ярд. Четыре дня он со свойственной ему тщательностью неумолимо экзаменовал Коллинза. Четыре дня перепроверял он методику дактилоскопии, регистрации и уже достигнутые результаты. Наконец он настолько убедился в преимуществах этого метода, что высказал готовность взять дело, даже менее важное, чем дело Джексона, только для того, чтобы тем самым помочь Генри и его системе отпечатков пальцев добиться общественного признания.

2 сентября 1902 г. Джексон предстал перед центральным уголовным судом в Олд-Бейли. История не сохранила для нас точного отчета об этом процессе. Известны лишь его результаты. Мьюир совершил чудо: убедил недоверчивых присяжных в абсолютной надежности идентификации с помощью отпечатков пальцев. Джексон был признан виновным и приговорен к шести годам каторжной тюрьмы.

Это был первый публичный успех Генри на английской земле. Но он-то знал, что этот успех – только начало. Насто-

ящей же победы он ожидал от большого процесса, который всколыхнул бы всю Англию. И таким стал процесс по делу «дептфордских убийц», вошедшему в историю криминалистики.

Отвращение, отвращение и еще раз отвращение испытывал обвинитель Ричард Мьюир к убийцам из Дептфорда. Такое же стократное отвращение испытывал каждый лондонец, прочитав в утренних газетах от 27 марта 1905 г. первые сообщения об убийстве, совершенном в Дептфорде.

Утром 27 марта улицы Дептфорда, мрачного района в восточном предместье Лондона, расположенном на южном берегу Темзы, близ Гринвича, были еще безлюдны. Около 7 часов 15 минут на Хай-стрит молочник заметил, как из дома № 34, в котором помещалась маленькая лавчонка, торгующая красками, выбежали два молодых парня и скрылись на соседней улице. Они так спешили, что второпях даже не закрыли за собой дверь лавки.

Минут через десять по этой же улице прошла маленькая девочка. Ребенок увидел окровавленного человека, высунувшего голову из-за дверей лавки, но тут же скрывшегося и запершего за собой дверь изнутри. Ребенка не удивила эта картина. На бойнях Дептфорда кровь лилась рекой, и окровавленные лица и фартуки были в порядке вещей.

Лишь в 7 часов 30 минут один молодой человек поднял тревогу. Это был ученик, который, придя, как обычно, в лавку хозяина, застал ее дверь против обыкновения запертой. Фарроу – его хозяин, пожилой добродушный человек лет се-

мидесяти – всегда вставал очень рано. Ему приходилось обслуживать маляров, покупавших у него по пути на работу краски и разные малярные принадлежности. Поэтому к приходу ученика дверь лавки всегда была уже открытой. Всегда, кроме этого утра. Ученик позвонил, но в доме никто не отозвался. Тогда паренек через соседний участок проник во двор старого домика. Через окно, выходящее во двор, он заглянул внутрь, и то, что он увидел, заставило его, громко зывая о помощи, броситься в соседний магазин.

Через двадцать минут детектив-инспектор Фокс с несколькими своими сотрудниками прибыл на Хай-стрит. Еще через некоторое время в дом № 34 вошел Мелвилл Макнэтен.

Маленькое помещение позади лавки, служащее и складом и конторой, являло картину полного разорения. Мебель была опрокинута, ящики стола выдвинуты. Повсюду виднелись кровавые пятна и брызги крови. Тело старика Фарроу валялось на полу изуродованным, почти неузнаваемым комком. Под пиджаком и брюками у Фарроу виднелась ночная рубашка. Обнаружив многочисленные следы крови в лавке и на узкой лесенке, ведущей на верхний этаж, Фокс выдвинул следующую версию: Фарроу спустился из спальни для того, чтобы обслужить предполагаемого покупателя. Здесь же в лавке на него напали и сбили с ног. По-видимому, старик сумел подняться и загородить убийце или убийцам дорогу наверх, где в спальне находилась миссис Фарроу. Огромная лу-

жа крови на ступеньках лестницы свидетельствовала о том, что здесь на старика вновь напали. И похоже на то, хотя это и кажется невероятным, что Фарроу еще раз пришел в себя уже после того, как убийца или убийцы покинули лавку. Он дополз до открытой двери и выглянул на улицу. Возможно, хотел позвать на помощь. Но так как на улице никого не было видно, он запер дверь изнутри, вероятно из страха перед убийцей или убийцами, которые могли вернуться. Затем он каким-то образом добрался до задней комнатки, где его и настигла смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.